

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

СМЕРТНОЕ ПИСЬМО ДРАКОНУ

Лилия Тимолаева

Смертное письмо дракону

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Смертное письмо дракону / Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Я очнулась в теле Марисы Роух — женщины, которую собирались казнить за кражу письма с драконьей печатью. У меня нет памяти прежней хозяйки тела. Нет друзей. Нет права на ошибку. Есть только странное знание: документы врут не сами. За каждой подделкой стоит тот, кто держал перо. Чтобы выжить, мне придётся восстановить заброшенную северную почтовую станцию и доставить письмо Тарену Моргарду — дракону, чьих писем боятся даже королевские чиновники. Говорят, это письмо смертное. Говорят, все курьеры, которые пытались вручить его раньше, исчезли, погибли или сошли с дороги. Но если я не доставлю письмо по правилам, правда останется похороненной, род Моргардов — проклятым, а моё новое имя снова станет приговором. Только вот чем ближе я к разгадке, тем яснее понимаю: опаснее смертного письма может быть лишь дракон, который больше не хочет жить во лжи.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо, за которое вешают	5
Глава 2. Адресат стоит передо мной	23
Глава 3. Письмо после смерти	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1. Письмо, за которое вешают

— Мариса Роух, бывшая служащая королевской почты, признаётся виновной в краже письма с драконьей печатью?

Голос ударил по ушам раньше, чем вернулось зрение.

Площадь качнулась перед глазами серым камнем, грязным снегом и чужими лицами. Сотни людей стояли полукругом вокруг деревянного помоста, от дыхания толпы над мостовой поднимался мутный пар, а над самой площадью висела тяжёлая, низкая туча, из которой сыпалась ледяная крупа. Она липла к ресницам, попадала за ворот платья и таяла на коже так неприятно, что Мариса вздрогнула всем телом.

Тело было чужим.

Эта мысль пришла не сразу. Сначала пришла боль в запястьях, перетянутых грубой верёвкой. Потом — вкус крови на губе. Потом — тяжесть длинной юбки, намокшей по подолу, и холод досок под коленями. И только после этого Мариса поняла: она стоит на коленях перед помостом, руки связаны, справа двое стражников в тёмно-синих плащах, слева высокий чиновник с раскрытой папкой, а впереди, чуть выше её головы, на перекладине висит петля.

Не украшение. Не предупреждение.

Для неё.

В груди всё сжалось, но крика не вышло. Горло будто перехватило ошейником из льда. Она попыталась вдохнуть и увидела свои руки: тонкие пальцы, разбитая костяшка на большом пальце, чужое кольцо из потемневшего серебра, под ногтями — следы чёрной пыли или чернил.

Мариса?

Нет.

Её звали Ирина Ланская.

Ещё вчера — если это вообще было вчера — она закрывала офисный шкаф с документами, раздражалась на зависший принтер и думала, что в пятницу обязательно купит нормальный кофе, потому что растворимый в переговорке пах картоном и унынием. Она помнила лампы над рабочим столом, экран монитора, чужие заявки, папки с актами, подписи в реестре, собственные руки на клавиатуре.

А теперь эти руки были связаны верёвкой, и кто-то на полном серьёзе спрашивал, признаётся ли она виновной в краже письма с драконьей печатью.

— Отвечай, Роух, — сказал чиновник.

Он был сухой, узкий, как сложенный пополам лист, с бледным лицом и тонкой цепью на груди. На цепи висел круглый знак с изображением почтового рожка и короны. Чиновник держал перед собой папку так бережно, словно в ней лежало доказательство его личной важности.

Мариса подняла голову. Толпа отозвалась шорохом. Кто-то вытянул шею. Кто-то пробормотал: «Сейчас заплачет». У задних рядов мальчишки забрались на каменный парапет фонтана, чтобы лучше видеть наказание. Женщина в меховом платке прижала к груди корзину и отвернулась, но не ушла.

— Я... — Голос оказался чужим, хриплым, сорванным. — Я не понимаю, в чём меня обвиняют.

По площади прокатился смешок. Не весёлый — злой, голодный до чужого падения.

— Она ещё спрашивает!

— Вчера плакала у дверей канцелярии, а сегодня память потеряла!

— Почтовые крысы всегда так делают.

Стражник справа дёрнул верёвку на её запястьях, заставив выпрямиться. Мариса едва удержалась, чтобы не упасть лицом в мокрые доски. Боль помогла лучше увидеть происходя-

щее: помост был поставлен перед зданием с высоким крыльцом и тремя гербами над входом — корона, почтовый рожок и крылатая ящерица с распахнутой пастью. От крыши здания свисали ледяные сосульки, ветер трепал синие флаги, а между колоннами стояли ещё двое писарей с ящиками для бумаг.

Это был суд. Или то, что здесь называли судом.

— Обвиняемая Мариса Роух, — чиновник сделал вид, что не слышит её слов, и заглянул в папку, — бывшая младшая разборщица писем при Северной королевской почтовой управе. Уволена за нарушение внутреннего порядка, повторно задержана при попытке сбыта украденного письма. Обвиняется в хищении королевской корреспонденции, подделке сургучной печати, незаконном хранении письма, адресованного дому Моргардов, и попытке продать сведения о его содержании.

Дом Моргардов.

От этого имени площадь изменилась. Люди перестали перешёптываться, кто-то поспешно отвёл глаза от помоста, а стражники, до этого державшиеся скупающе, подтянулись. Даже чиновник произнёс фамилию с опасной осторожностью.

Мариса не знала, кто такие Моргарды, но тело отреагировало раньше разума. Под рёбрами мелькнул испуганный холодок чужой памяти, без образов и слов. Имя было связано с чем-то большим, чем обычный аристократический род. Силой. Огнём. Дверями, перед которыми люди говорили шёпотом.

— Письмо, — потребовала она, чувствуя, как страх становится злее. — Покажите письмо.

Чиновник поднял брови.

— Ты желаешь полюбоваться на улику перед приговором?

— Я желаю понять, за что вы собираетесь меня казнить.

Она сказала это громче, чем рассчитывала. Ветер унёс слова к первым рядам, и лица перед помостом оживились. Несколько человек повернулись к чиновнику. Старик в потёртом кафтане нахмурился, девица у торговой палатки перестала жевать пирожок, мальчишки на фонтане притихли.

Чиновник не любил, когда на него смотрели не так, как надо. Это было видно по тому, как он поправил цепь на груди и прижал папку к боку.

— Казнь назначается не мной, а законом. Королевская почта неприкосновенна. Письма с драконьими печатями защищены отдельным указом.

— Тогда тем более покажите письмо. Если оно королевское, у него должен быть реестр, номер доставки, отметка о приёме и подпись ответственного служащего.

Она не знала, откуда взяла эти слова.

Нет, знала.

Не из чужой памяти — из своей. Из мира, где любая бумажка без номера превращалась в головную боль. Где акт без даты возвращали, договор без подписи не принимали, а если курьерская накладная не совпадала с реестром, виноватым оказывался тот, кто последним держал папку в руках.

Бумаги в любом мире любят порядок.

Чиновник вскинул подбородок.

— Тебе не поможет знание канцелярской мелочи.

— Мне поможет правда.

Толпа зашумела сильнее. Где-то у края площади хрипло засмеялся мужчина:

— Слушай, а крыса-то зубастая!

— Молчать! — рявкнул стражник.

Чиновник долго смотрел на Марису, и в его взгляде появилось то, что она хорошо знала по прежней жизни: раздражение человека, которого заставили следовать процедуре при сви-

детелях. Он мог бы отказаться. Мог бы приказать заткнуть ей рот. Но толпа уже слушала, а на помосте было слишком много глаз.

Он повернулся к одному из писарей.

— Принесите вещественное доказательство.

Писарь спустился с крыльца, держа перед собой плоский деревянный лоток. На лотке лежал конверт.

Мариса увидела его — и шум площади отступил.

Чёрная бумага. Не крашеная, а словно пропитанная ночной сажей, плотная, гладкая, с едва заметным металлическим отливом. Края конверта были ровные, без заломов, только один угол слегка примят. Поверх клапана — серебряный сургуч с оттиском: дракон, свернувшийся вокруг башни. Печать блестела даже под мутным небом, и от неё тянуло холодом так отчётливо, что кожа на руках покрылась мурашками.

Чужое тело Марисы Роух знало этот конверт. Где-то в глубине сознания дрогнула паника, липкая, давняя, связанная с тёмным коридором, бегом, ударами в дверь и шёпотом: «Спрячь, пока они не пришли».

Воспоминание рассыпалось прежде, чем Ирина успела схватить его.

Писарь остановился в трёх шагах. Стражник поднёс лоток ближе, но не дал коснуться конверта.

— Вот письмо, — сказал чиновник. — Украдено из запечатанного мешка северной доставки. Найдено при тебе. Есть свидетели, видевшие, как ты пыталась передать его купцу из Нижнего квартала.

Мариса смотрела на печать.

Не на дракона. Не на башню. На край оттиска.

Серебряный сургуч лёг неровно. Слева у основания башни должна была остаться тонкая борозда — след от края кольца или штампа. Но борозда шла не туда. Оттиск был чуть смещён, словно печать прижимали плоским диском, а не перстнем. Кроме того, на бумаге под сургучом виднелись две крошечные светлые точки. Следы от старого крепления? Нет, от иглы. Конверт уже вскрывали и снова закрыли.

Сердце ударило сильнее.

— Это не та печать, — сказала Мариса.

Чиновник нахмурился.

— Что?

— Оттиск неправильный.

На площади кто-то присвистнул. Писарь побледнел так, словно она назвала его вором. Стражник с лотком опустил взгляд на конверт, но тут же спохватился и снова уставился перед собой.

— Обвиняемая пытается затянуть исполнение закона, — холодно сказал чиновник. — Внести в протокол: очередная ложь.

— Внесите лучше, что письмо уже вскрывали.

Эти слова разрезали площадь лучше крика.

Стало слышно, как ветер гудит в водостоке, как флаг хлопает о стену здания, как где-то в толпе женщина прижимает ладонь к губам.

— Ты обвиняешь королевскую почту? — спросил чиновник.

— Я обвиняю того, кто дал вам это письмо как доказательство. Если бы я украла его и хотела продать, зачем мне вскрывать конверт, а потом так грубо ставить печать обратно? И зачем оставлять следы иглы на лицевой стороне?

Чиновник посмотрел на конверт. Всего на мгновение, но Мариса увидела: он тоже заметил. Или уже знал.

Она схватилась за это, как за край стола над пропастью.

— У подлинной драконьей печати должен быть ободок с родовым девизом. Здесь его нет. Дракон вокруг башни есть, а надписи нет. Или она стёрлась при повторном нагреве, или оттиск сделали копией.

— Довольно, — процедил чиновник.

— Нет. Если вы собираетесь меня повесить за подделку, покажите, где реестр. Кто принял письмо? Кто внёс его в мешок? Кто отвечал за сохранность? Кто поставил отметку о пропаже? Почему письмо с такой важной печатью оказалось не в запечатанном тубусе, а просто в конверте на лотке перед площадью?

Она говорила уже не как испуганная женщина с верёвкой на руках. Слова шли быстрее, но не путались. Чем больше она говорила, тем яснее становилось: её пытаются убить не за то, что она сделала, а за то, что кто-то очень хочет закрыть дело до настоящей проверки.

— Молчать! — Чиновник шагнул к ней, и его лицо пятнами пошло от злости. — Ты забываешься, Роух.

— Возможно, — ответила Мариса. — Я сегодня многое забыла. Но порядок работы с письмами почему-то помню.

В первых рядах кто-то нервно хмыкнул. Писарь у крыльца принялся листать свою папку, цепляясь пальцами за края страниц. Стражник, державший лоток, теперь старался не смотреть ни на чиновника, ни на конверт.

И в этот момент площадь расступилась.

Не сразу. Сначала по толпе прошла волна, как по траве перед бурей. Люди оборачивались, отступали, теснили соседей, кто-то снимал шапку, кто-то торопливо прятал руки в рукава. На дальнем конце площади появились всадники в тёмных плащах без знаков. Их кони ступали по мокрому камню спокойно, с тяжёлым цокотом, и никто не осмеливался им мешать.

Впереди ехал мужчина на чёрном коне.

Мариса увидела его ещё до того, как поняла, почему площадь так быстро потеряла голос.

Высокий, широкоплечий, в длинном дорожном плаще цвета зимнего неба перед бурей. Тёмные волосы были стянуты на затылке, на виске белел тонкий шрам, уходящий под воротник. Лицо спокойное, собранное, с резкими скулами и тяжёлым взглядом человека, привыкшего видеть ложь раньше, чем её произносят. На его перчатках не было украшений, но у горла плаща блеснула застёжка в виде того самого дракона вокруг башни.

Дом Моргардов.

Чужая память в теле Марисы отозвалась болью под рёбрами.

Тарен Моргард не спешил. Он остановил коня перед помостом, и тишина стала такой плотной, что хруст ледяной крупы под копытом прозвучал как треск сломанной ветки.

— Продолжайте, — сказал он.

Голос был низким, ровным, без угрозы, но чиновник побледнел сильнее, чем писарь.

— Милорд Моргард, — он поклонился так поспешно, что цепь на груди качнулась и ударила по папке. — Мы как раз исполняем закон в отношении похитительницы вашего письма.

— Моего? — Тарен перевёл взгляд на лоток.

Стражник сразу поднял конверт выше, словно подносил дар. Марисе показалось, что воздух рядом с письмом стал темнее. Серебряная печать поймала слабый свет, дракон на ней дрогнул, и у неё на языке появился металлический привкус.

Тарен не протянул руку к конверту.

Он лишь посмотрел.

Писарь с лотком задышал чаще, но стоял. Чиновник открыл рот, видимо, собираясь объяснить, но Тарен заговорил первым:

— Кто разрешил выносить письмо с моей печатью на площадь?

Вопрос был задан спокойно. От этого чиновник растерялся сильнее.

— Это вещественное доказательство, милорд. Обвиняемая была задержана при попытке

— Я спросил не о том, что вы собирались зачитать толпе. Я спросил, кто разрешил вынести письмо с печатью моего дома на открытый помост.

По рядам прошёл тревожный шёпот. Мариса почувствовала, как верёвка впилась в кожу. Ей хотелось посмотреть только на Тарена, но она заставила себя следить за всеми: чиновник нервно сжал папку, один писарь сделал шаг назад, второй быстро опустил глаза, стражник у лотка облизнул губы.

Страх выдаёт людей не хуже чернил.

— Порядок допускает предъявление улики, — сказал чиновник. — При публичном слушании—

— Письма моего дома не предъявляют рынку, как гнилую рыбу.

Толпа отодвинулась ещё на полшага. В воздухе запахло дымом, хотя огня не было. Или он был где-то глубже — в самом мужчине, который сидел на коне так неподвижно, что от этого делалось неуютно.

Тарен наконец перевёл взгляд на Марису.

Её будто поставили перед открытой дверью в мороз. В его глазах не было жалости, раздражения или любопытства в обычном смысле. Он рассматривал её как улику, которая внезапно заговорила.

— Что она сказала? — спросил он, не отводя от неё глаз.

Чиновник замялся.

— Обвиняемая пыталась оспорить—

— Дословно.

Мариса сама ответила:

— Я сказала, что письмо уже вскрывали, а печать поддельная или восстановленная. Ещё сказала, что при настоящем письме должен быть реестр доставки и отметки о хранении. Мне их не показали.

Чиновник издал короткий смешок.

— У преступников всегда находится объяснение.

— У дураков тоже, — сказал Тарен.

Смешок оборвался.

Мариса не поняла, кого именно он назвал дураком, и решила, что уточнять сейчас опасно.

Тарен спешил. Движение было плавным, но площадь отреагировала так, словно он вытащил меч. Он поднялся на помост без приглашения. Доски под его сапогами не скрипнули, хотя мужчина был крупным, в тяжёлых дорожных сапогах и с широким ремнём поверх плаща. На ремне висел узкий кинжал, но Мариса почему-то смотрела не на него, а на перчатки.

Чёрная кожа. Без единой складки. Пальцы слегка согнуты, будто рука привыкла держать что-то горячее.

Он остановился перед лотком.

— Положи.

Стражник подчинился с явным облегчением. Лоток поставили на край стола, за которым чиновник до этого зачитывал обвинение. Тарен не коснулся конверта. Он наклонился, осмотрел печать, край бумаги, сгибы, потом перевёл взгляд на Марису.

— Следы иглы где?

Она не ожидала, что он спросит именно её.

— У верхнего края клапана. Две точки под сургучом. Если поддеть ножом и потом снова запечатать, остаются другие следы. Тут прокол тонкий, значит, конверт раскрывали паром или нагретым лезвием, а потом придерживали бумагу иглой.

Чиновник кашлянул.

— Обвиняемая демонстрирует знание способов вскрытия писем.

— Разумеется, — Мариса повернула голову к нему. — Если я работала в почтовой канцелярии, я должна знать признаки вскрытия. Иначе какой от меня был бы толк?

Несколько человек в толпе одобрительно загудели. Чиновник бросил на них такой взгляд, что гул стих.

Тарен взял со стола тонкий металлический нож для бумаг. Не касаясь конверта пальцами, он осторожно поддел край серебряного сургуча. Печать треснула с тонким звоном. В тот же миг воздух на площади потемнел, и из трещины вырвалась искра — синевато-белая, холодная, похожая на звезду, упавшую в снег.

Толпа ахнула.

Мариса напряглась, ожидая огня, взрыва, чего угодно, но искра погасла на столе и оставила на дереве маленькое чёрное пятно.

Тарен смотрел на это пятно без выражения. Чиновник — с ужасом.

— Подлинный сургуч дома Моргардов не трескается, — сказал Тарен. — Он плавится.

Писарь у крыльца уронил папку. Листы рассыпались по мокрым ступеням, и ветер сразу потащил один к краю площади. Никто не бросился поднимать.

Мариса позволила себе вдохнуть глубже. Дышать было больно, грудь всё ещё сдавливало, но петля над помостом уже казалась не такой близкой.

— Приказ о задержании, — сказал Тарен.

Чиновник побледнел до серого.

— Милорд, слушание ещё не завершено.

— Приказ.

Пауза вытянулась. Затем чиновник вынул из папки лист с красной каймой и протянул Тарену. Тот взял документ, пробежал глазами и неожиданно посмотрел на Марису.

— Ты была младшей разборщицей?

— Видимо.

— Видимо?

Вот теперь он впервые проявил настоящий интерес. Острый, неудобный, как кончик ножа.

Мариса сжала пальцы, насколько позволяла верёвка. Она не могла сказать: «Я из другого мира, понятия не имею, почему я в теле вашей обвиняемой». Даже на площади, где письмо с драконьей печатью трещит искрами, такая фраза вряд ли помогла бы.

— После удара по голове память ведёт себя странно, — сказала она и только потом вспомнила запрет на лишние объяснения. Но это ещё не касалось запрещённых вещей, и фраза звучала безопасно. — Я помню порядок работы с бумагами лучше, чем собственное утро.

Тарен опустил взгляд на её губу, на синяк у скулы, на следы верёвки.

— Кто ударил?

Стражник справа кашлянул.

Мариса не стала смотреть на него. Иногда молчание говорит громче жалобы.

Тарен прочитал приказ до конца.

— Забавно, — произнёс он.

Чиновник ухватился за слово, как утопающий за доску.

— Да, милорд, ситуация крайне—

— Приказ подписан в девятый час утра, — перебил Тарен. — А задержали её, если верить протоколу, в десятый. Но письмо пропало из мешка северной доставки только к полудню. Ваши бумаги обвиняют женщину в преступлении за два часа до того, как оно случилось.

На площади стало так тихо, что Мариса слышала собственный пульс.

Чиновник застыл. Его пальцы крепче вцепились в папку, и тонкая кожа на костяшках натянулась.

— Ошибка писаря, — сказал он.

— Ошибка писаря отправила бы его переписывать лист. Эта ошибка поставила обвиняемую под петлю.

Тарен положил приказ на стол рядом с чёрным конвертом. Взгляд его прошёл по писарям, стражникам, чиновнику и остановился на Марисе.

— Освободить руки.

— Милорд, — чиновник шагнул к нему, — она остаётся подозреваемой.

— Я сказал освободить руки, а не отпустить из города.

Стражник справа не сразу понял, что приказ касается его. Потом торопливо достал нож и перерезал верёвку. Кровь вернулась в пальцы болезненными иголками. Мариса сдержала стон, растерла запястья и заметила тёмные следы на коже. Чужое тело было слабее, чем ей хотелось, но не сломанное.

Пока она растирала руки, Тарен повернулся к чиновнику.

— Слушание приостанавливается. Письмо, приказ о задержании, протокол и список свидетелей переходят ко мне.

— На каком основании? — Чиновник произнёс вопрос раньше, чем испугался собственной смелости.

Тарен взглянул на серебряную застёжку у своего горла.

— На основании того, что кто-то подделал печать моего дома, вынес её на площадь и попытался повесить женщину до проверки. Хотите спорить о полномочиях здесь, при свидетелях?

Чиновник не захотел.

Мариса поднялась на ноги. Колени дрожали от холода, страха и чужой усталости. Платье тянуло вниз мокрым подолом, волосы выбились из косы и липли к щеке. Её всё ещё могли арестовать. Её всё ещё могли обвинить в десятке вещей, о которых она ничего не знала. Но петля перестала быть центром мира.

Она сделала шаг и едва не споткнулась. Стражник, перерезавший верёвку, машинально протянул руку, потом увидел взгляд Тарена и отступил.

Мариса оперлась ладонью о край стола. Рядом лежал чёрный конверт, уже повреждённый, но всё ещё пугающе целый. От него тянуло холодом. Серебряная печать треснула, и через трещину виднелась не бумага, а тонкая тёмная линия, словно внутри конверта была ещё одна оболочка.

— Не трогай, — сказал Тарен.

Она убрала руку, хотя и не собиралась касаться.

— Что теперь будет?

— С тобой?

— Для начала.

Он изучал её лицо, и Мариса вдруг очень ясно поняла: спасением это назвать нельзя. Тарен Моргард не верил ей. Он лишь увидел, что ложь вокруг письма больше, чем удобное обвинение против бывшей служащей.

— Теперь ты расскажешь мне всё, что знаешь о письме.

— Я уже сказала: я не помню.

— Тогда вспомнишь.

— По приказу?

— При необходимости.

Его спокойствие раздражало сильнее, чем крик чиновника. Крик хотя бы понятен: человек злится, боится, давит. А Тарен говорил так, словно уже расставил все фигуры и теперь ждал, куда она сама сделает ход.

Мариса выпрямилась.

— Если бы я знала, где настоящее письмо, я бы не стояла здесь с верёвкой на руках.

— Люди часто оказываются под верёвкой из-за того, что знают лишнее.

— Или из-за того, что кто-то боится их вопросов.

Его взгляд чуть изменился. Не смягчился. Скорее, стал внимательнее.

— Ты быстро приходишь в себя для женщины, которой грозила казнь.

— Мне потом лечь и красиво умереть от потрясения?

На краю площади кто-то фыркнул, но тут же притих. Мариса пожалела о резкости. Перед ней стоял не коллега из офиса и не хамоватый начальник отдела. Перед ней был мужчина, от одного имени которого площадь побледнела. Дракон. Дознаватель. И, возможно, единственный человек, способный не дать её убить в ближайший час.

Тарен, однако, не рассердился. Угол его губ дрогнул так едва заметно, что она могла это придумать.

— Умирать тебе пока рано.

— Утешили.

— Я не утешаю.

— Да, это заметно.

Теперь он действительно посмотрел на неё с тенью удивления. Мариса поняла, что прежняя Мариса Роух, скорее всего, так с ним не разговаривала бы. Нужно быть осторожнее. Но осторожность плохо давалась женщине, которую несколько минут назад спрашивали, признаётся ли она виновной перед петлёй.

К столу подошёл один из людей Тарена. Сухощавый мужчина лет сорока с короткой бородой и внимательными руками писаря. Он молча разложил на столе кожаную папку, достал чистые листы, маленькую коробку с песком для чернил и серебряный зажим.

— Лоренс, — сказал Тарен, — заберите протоколы упрáвы. Всё, что связано с задержанием Роух. И найдите мешок северной доставки.

— Если его уже не спрятали, милорд, — ответил Лоренс.

— Тогда найдите того, кто его спрятал.

Лоренс поклонился и пошёл к писарям. Те отступили так синхронно, что Мариса впервые за всё утро захотела нервно рассмеяться.

Тарен взял повреждённый конверт ножом для бумаг и осторожно повернул. Внутренняя тёмная линия исчезла. Теперь конверт выглядел обычным — если обычной можно назвать чёрную бумагу с серебряным драконом.

— Ты заметила следы вскрытия с трёх шагов, — сказал он.

— Я люблю, когда документы не врут.

— Документы всегда врут. Иногда за людей, иногда вместо них.

— Значит, надо смотреть, кто держал перо.

Он помолчал.

— Где ты этому научилась?

Мариса отвела взгляд к площади. Толпа ещё не расходилась. Люди делали вид, что им срочно нужно поправить корзину, поговорить с соседом или посмотреть на небо, но на самом деле все ждали продолжения. Казнь сорвалась, но зрелище стало только интереснее: дракон разговаривал с бывшей почтовой служащей, которую минуту назад собирались повесить.

— В канцеляриях, — сказала она. — Бумаги везде одинаковые. Чем важнее документ, тем больше людей пытаются сделать вид, что не заметили ошибку.

— Ты говоришь не как младшая разборщица.

— А вы знаете, как говорят младшие разборщицы?

— Та, что работала здесь под именем Марисы Роух, обычно говорила меньше и врала хуже.

Кровь отхлынула от лица.

Он заметил.

Конечно, заметил. Если он дознаватель, если привык допрашивать, если знает прежнюю Марису хотя бы по делу, любое отличие бросается в глаза. Ирина сжала пальцы в кулак под столом. Нельзя паниковать. Нельзя рассказывать невозможное. Нельзя молчать так долго, чтобы молчание стало признанием.

— Человек меняется, когда видит петлю перед лицом.

— Иногда.

— Вы сейчас проверяете меня?

— С того момента, как подъехал.

— И как результат?

— Ты не похожа на женщину, которую я ожидал увидеть.

Ответ был опасным, потому что звучал почти честно.

Чиновник, до сих пор стоявший рядом и мрачневший с каждой секундой, вмешался:

— Милорд Моргард, при всём уважении, обвиняемая остаётся в ведении городской управы до передачи дела в центральную канцелярию. Вы не можете просто забрать её.

— Могу.

— Это нарушение порядка.

— Нет. Нарушение порядка — поддельная печать на письме моего дома. Вы хотите, чтобы я занялся сначала ею или вами?

Чиновник отступил.

Мариса подумала, что Тарен умеет делать угрозы удивительно экономными. Без поднятого голоса, без лишних слов. После таких угроз люди сами додумывали худшее и пугались собственных мыслей.

Лоренс вернулся с двумя папками и связкой ключей.

— Протоколы забраны. Мешок северной доставки числится отправленным в архивный двор, но отметки о выносе нет. Писарь утверждает, что распоряжение было устным.

— Чьё?

Лоренс посмотрел на чиновника.

— Господина Вайса.

Чиновник — Вайс — вспыхнул.

— Ложь! Я не давал такого распоряжения.

— Разберёмся, — сказал Тарен.

Мариса услышала в этом слове приговор, отложенный на потом.

— А со мной что? — спросила она.

— Ты поедешь со мной.

— Куда?

— На северную почтовую станцию.

Она моргнула.

— Сейчас?

— После того как подпишешь обязательство о сотрудничестве.

— Я не ваша служащая.

— Уже нет. Тебя уволили.

— Тогда на каком основании?

— На основании выбора. Первый путь — тюремная камера до выяснения обстоятельств. Второй — работа под моим надзором там, где началась подмена писем. Станция закрыта, штат

разбежался, архивы не разобраны, маршруты сорваны. Если ты действительно разбираешься в почтовом порядке, докажешь это там.

Мариса смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается тяжёлое, горячее возмущение. Её только что едва не казнили, а теперь предлагали выбор между клеткой и поездкой к месту, где, возможно, уже убили прежнюю владелицу этого тела. Но за возмущением шла логика.

Тюрьма была тупиком. Станция — шансом. Там оставались письма, архивы, люди, следы. Там можно было понять, кто такая Мариса Роух, почему её подставили и как Ирине Ланской выжить в мире, где чёрные конверты решают судьбы.

— А если я откажусь?

— Тогда я перестану спорить с городской управой о праве держать тебя под замком.

— Чудесный выбор.

— Рабочий.

Она горько усмехнулась.

— Вы всегда так предлагаете помощь?

— Я не предлагал помощь.

— Разумеется. Вы предложили надзор.

— И жизнь.

Это было сказано без нажима, но Мариса замолчала. Он был прав, и от этого хотелось спорить ещё сильнее.

Лоренс положил перед ней лист. На нём ровными строками уже были выведены обязательство о сотрудничестве, временная передача дела дознавателю дома Моргардов и запрет покидать назначенное место службы без разрешения. Внизу оставалось пустое место для подписи.

Мариса посмотрела на свою правую руку. Чужие пальцы дрожали. Не от слабости — от того, что подпись могла выдать её быстрее любого допроса. Она не знала, как подписывалась настоящая Мариса Роух.

— Перо, — сказал Лоренс.

Ей протянули тонкое перо с тёмным кончиком. Чернильница стояла рядом, круглая, с латунной крышкой.

Мариса взяла перо и задержала руку над листом.

— Что-то не так? — спросил Тарен.

Всё не так.

Она не знала почерка этой женщины. Не знала, какие буквы приняты в этом мире, как пишут фамилию Роух, делают ли росчерк, ставят ли знак после имени. Но подпись нужна. Если она откажется, это будет подозрительно. Если напишет неправильно — тоже.

И тогда Мариса заметила на краю листа старую отметку писаря: имя обвиняемой уже было вписано в шапку дела. «Мариса Роух». Буквы вытянутые, с острыми верхними петлями. Канцелярский почерк, не личная подпись. Но фамилию она теперь видела.

Она поставила перо к бумаге. Вела буквы осторожно, не копируя канцелярский стиль, а позволяя руке двигаться так, как получается. «Мариса Роух» вышло неровно, с сильным нажимом на последней букве. Подпись человека, у которого болят руки и который подписывает не согласие, а отсрочку собственной гибели.

Лоренс посыпал чернила песком.

Тарен взглянул на подпись.

— Почерк изменился.

Мариса вернула ему взгляд.

— Я же сказала: день выдался тяжёлый.

— Очень удобное объяснение.

— Зато правдивое.

Он ничего не ответил, и это молчание тревожило сильнее возражений.

Вайс тем временем попытался собрать остатки достоинства.

— Милорд, если вы забираете обвиняемую, городская управа требует письменного подтверждения—

— Получите, — сказал Лоренс, уже выводя строки на новом листе.

— И сохранности вещественных доказательств.

— Их сохранность оказалась под угрозой именно здесь, — ответил Тарен. — Не напоминайте мне об этом чаще, чем нужно.

Вайс сжал рот.

Мариса поймала его взгляд. В нём больше не было чиновничьей злости. Там мелькнул страх, прикрытый ненавистью. Он боялся не её. Он боялся того, что она успела заметить.

Значит, она попала в точку.

Эта мысль придавала сил. Мариса выпрямила спину, хотя плечи ломило, и посмотрела на площадь. Люди уже начинали расходиться, но делали это неохотно. Сегодня они пришли смотреть, как вешают почтовую мошенницу. Уходили с историей о поддельной драконьей печати, сорванной казни и северном Моргарде, который забрал обвиняемую с помоста.

Для города этого хватит на неделю разговоров.

Для Марисы — на одну попытку выжить.

— Мне нужно забрать свои вещи, — сказала она.

Тарен поднял бровь.

— Ты помнишь, где они?

Проклятие.

— Нет, — признала она. — Но подозреваю, что у арестованной женщины хоть что-то было при себе.

Лоренс достал из-под стола небольшой холщовый мешок и положил на край.

— Изъято при задержании: ключ на шнурке, три медные монеты, обломок почтового ножа, пустой футляр для печати, носовой платок, кусок хлеба.

Мариса потянулась к мешку, но Тарен остановил её движением руки.

— Сначала проверка.

Лоренс высыпал вещи на стол. Всё выглядело жалко. Ключ был потёртый, с зазубриной у бородки. Монеты тусклые. Почтовый нож сломан у основания, но на рукояти сохранились две буквы: М. Р. Платок серый, застиранный, с вышитым краем. Хлеб чёрствый.

Пустой футляр для печати заинтересовал Тарена больше всего. Он взял его двумя пальцами, открыл, понюхал внутреннюю поверхность и посмотрел на Вайса.

— Где сама печать?

— При задержании её не было.

— А футляр был.

— Да.

— Удобно.

Вайс промолчал.

Мариса смотрела на футляр. Внутри бархат был продавлен круглым предметом. По краям осталась серебристая пыльца, совсем немного, в углу. Если прежняя Мариса носила с собой печать, она действительно могла быть связана с подделкой. Или ей подбросили футляр, чтобы все так подумали.

— Можно? — спросила Мариса.

Тарен дал ей футляр.

Она повернула его к свету. Бархат на дне был не просто продавлен. На нём остался след от предмета с выступом — маленькая неровность, похожая на хвост буквы. Кольцо? Печать? Или ключ?

— Здесь лежало не то, чем запечатали тот конверт, — сказала она.

— Почему?

— След меньше. И форма другая. У драконьей печати на конверте башня с широким основанием. Здесь предмет был круглый, но выступ узкий. Может быть, личная почтовая печать. Или знак отделения.

Лоренс склонился ближе.

— Верно, милорд. Футляр для малой рабочей печати, не для родового штампа.

— А где её рабочая печать? — спросил Тарен.

Вайс ответил не сразу.

— Возможно, потеряна.

— Возможно, украдена, — сказала Мариса.

— Возможно, ты сама её спрятала, — Тарен повернул к ней футляр.

— Возможно. Но если бы я хотела подделать драконью печать, мне нужен был бы футляр побольше.

Лоренс кашлянул, пряча улыбку. Вайс посмотрел на неё с такой злостью, что сомнений почти не осталось: он хотел видеть её мёртвой, а не разговорчивой.

Тарен вернул вещи в мешок, кроме футляра.

— Это останется у меня.

— Конечно, — сказала Мариса. — У меня же такой огромный выбор.

— Начинаешь понимать.

Его невозмутимость была невыносимой.

Стражники, получив приказ, сняли с помоста верёвку. Петля исчезла с перекладины, но Мариса всё равно чувствовала её взглядом, как человек чувствует сквозняк от закрытой двери. Её могли не повесить сейчас, но этот мир уже показал, насколько быстро бумага становится приговором.

Тарен спустился с помоста. Мариса пошла следом, стараясь не хромать. Толпа расступалась перед ним охотно, перед ней — с опасливым любопытством. Кто-то шепнул: «Ведьма». Другой ответил: «Нет, почтовая». Третья женщина прошептала молитву или местный оберег, но Мариса уловила только слово «дракон».

У подножия помоста стояли кони. Один из людей Тарена подвёл гнедую кобылу. Мариса посмотрела на седло и с тоской поняла, что верхом она в этой жизни, вероятно, не ездила. Или ездила, но Ирина Ланская точно не имела нужного опыта. В офисе не требовалось уметь садиться на лошадь под взглядами половины города.

Тарен проследил за её взглядом.

— Поедешь в крытой повозке.

— Я выгляжу настолько плохо?

— Ты выглядишь как человек, который упадёт с лошади через три улицы и создаст задержку.

— Благодарю за деликатность.

— Я практичен.

Повозка стояла чуть дальше, у края площади. Тёмная, крепкая, с узкими окнами и знаком королевской доставки на дверце. Внутри пахло кожей, холодным деревом и бумагой. На сиденье лежал сложенный плащ.

Мариса забралась внутрь с помощью Лоренса, хотя гордость требовала сделать это самой. Сил осталось мало. Когда дверца закрылась, шум площади стал глуше, но не исчез. Сквозь

мутное оконце она видела, как Тарен отдаёт распоряжения, как Вайс стоит на ступенях с видом человека, проглотившего гвоздь, как писари собирают листы, испачканные мокрым снегом.

Лоренс сел напротив неё с папками на коленях.

— Не пытайтесь бежать, госпожа Роух, — сказал он без злобы. — Милорд не любит напрасных погонь.

— А удачные?

— Их он заканчивает быстро.

Мариса устало прислонилась к стенке повозки.

— Вы всегда такой ободряющий?

— Я много лет служу рядом с драконом. Оптимизм выветрился.

Это прозвучало так сухо, что Мариса впервые за утро почти улыбнулась.

Повозка тронулась. Колёса загрохотали по мостовой, площадь поплыла за мутным окном. Мариса смотрела на город и пыталась собрать себя по кускам. Чужое имя. Чужое тело. Обвинение. Поддельная печать. Северная станция. Тарен Моргард. И настоящее письмо, которое где-то существует, если подделка потребовалась так срочно.

— Господин Лоренс, — сказала она.

— Просто Лоренс, если милорд не слышит.

— Почему все так боятся писем Моргардов?

Он поднял взгляд от папки.

— Потому что за последние двадцать лет каждое важное письмо, отправленное в их дом, приносило смерть, изгнание или обвинение.

Мариса почувствовала, как холод от окна просачивается под кожу.

— Это суеверие?

— Я канцелярский человек. Суеверия меня раздражают. Но факты ещё неприятнее.

— И Тарен не может брать такие письма?

Лоренс закрыл папку.

— Я не тот, кто должен рассказывать вам о проклятии рода Моргардов.

— Проклятии, — повторила она.

Слово легло между ними тяжёлым конвертом.

— Вы сами увидите достаточно, — сказал Лоренс. — Если доживёте.

— Ваш оптимизм всё-таки где-то рядом. Просто очень хорошо спрятан.

На этот раз уголки его глаз потеплели.

Повозка свернула с главной улицы в более узкий проезд. Здесь пахло дымом из труб, мокрой соломой и горячим тестом из булочной, мимо которой они проехали. У дверей лавки стояла девочка с корзиной, и Мариса поймала её взгляд — любопытный, испуганный, полный вопросов. Через миг девочка исчезла за углом.

Город был реальным. Не сном. Не театральной декорацией. Люди здесь ругались из-за цен, торговки прятали товар от снега, собаки рыскали у сточных канав, на окнах висели ледяные узоры, а над всем этим существовал закон, по которому письмо могло отправить человека на смерть.

Повозка остановилась у низкого здания с закрытыми ставнями.

— Где мы? — спросила Мариса.

— Временный двор дознания, — ответил Лоренс. — Нужно забрать дорожные бумаги.

Дверца открылась, впуская ветер. Тарен стоял снаружи. Без коня он казался ещё выше, потому что не было седла и гривы, отвлекающих взгляд. Он протянул руку не ей, а к дверце, чтобы та не захлопнулась от ветра.

— Выйди.

Мариса вышла. Ноги уже слушались лучше, но каждый шаг отдавался в запястьях и спине. Во дворе было меньше людей: двое стражников у ворот, кучер, человек Тарена у

крыльца. На стене висел почтовый ящик, старый, с облупившейся синей краской. На крышке — прорезь для писем и надпись: «Жалобы. Срочные прошения. Извещения о пропаже корреспонденции».

Крышка была приоткрыта.

Мариса задержала взгляд.

— Что? — спросил Тарен.

— Ящик открыт.

— И?

— На улице снег. Если в ящике бумаги, они намокнут. Если бумаг нет, ящик всё равно не оставляют открытым. Это приглашение для любой подброшенной гадости.

Тарен посмотрел на ящик, потом на стражника у двери.

— Кто дежурил?

Стражник вытянулся.

— Я, милорд. Ящик был закрыт час назад.

Мариса подошла ближе, не касаясь крышки. На синей краске у прорези темнел свежий след пальца. Не грязь — чёрная пыльца, похожая на ту, что была у неё под ногтями.

— Там что-то есть, — сказала она.

Тарен сделал знак. Лоренс достал щипцы из дорожного футляра и осторожно приподнял крышку.

Внутри лежал маленький конверт из серой бумаги.

Без адреса. Без печати. Только одна строка на лицевой стороне, выведенная неровным почерком:

«Мариса Роух уже мертва. Спросите у той, кто носит её лицо».

Лоренс перестал дышать на полуслове. Стражник у ворот перекрестился местным жестом — двумя пальцами по запястью и к горлу. Тарен взял конверт щипцами, прочитал строку и медленно повернулся к Марисе.

Теперь в его взгляде было не только недоверие.

Теперь там появился вопрос, от которого у неё похолодели ладони.

— Объясни, — сказал он.

Мариса смотрела на конверт и понимала: кто-то в этом мире знает о ней больше, чем она сама. Знает, что прежняя Мариса умерла или должна была умереть. Знает, что в её теле другая женщина. И этот кто-то находится достаточно близко, чтобы подбросить письмо во двор дознавателя, пока весь город смотрел на сорванную казнь.

— Не могу, — сказала она честно.

Тарен сделал шаг ближе.

— Тогда начнёшь с того, что можешь.

— Я могу сказать только одно. Тот, кто это написал, хотел, чтобы вы перестали проверять поддельную печать и начали проверять меня.

— Это не ответ.

— Зато это правда.

Ветер ударил в открытые ворота, поднял с земли снежную крупу и бросил её Марисе в лицо. Она не отвернулась. Смотрела на Тарена, потому что отвести глаза сейчас значило подарить ему лишнее подозрение.

Он держал серый конверт щипцами, но чёрный, тот самый с драконьей печатью, лежал в кожаной папке Лоренса. Две улики. Две угрозы. Одна — против неё как преступницы. Вторая — против неё как чужой в этом теле.

Тарен молчал долго. Потом убрал серый конверт в отдельный футляр и сказал:

— Поедешь на станцию под усиленным надзором.

— А если я скажу, что мне это не нравится?

— Я удивлюсь, если понравится.

— Вы мне не верите.

— Нет.

— Но берёте с собой.

— Именно поэтому.

Он повернулся к Лоренсу:

— Подготовьте выезд через четверть часа. Оба письма — в дорожный сейф. Господина Вайса не выпускать из города без моего разрешения. Найти того, кто дежурил у этого ящика до смены караула. И пусть люди проверят, не было ли ещё писем без адреса.

— Да, милорд.

Мариса хотела спросить, что значит «дорожный сейф», но Тарен уже вошёл в здание. Ей пришлось идти следом.

Внутри было тепло от печи, но это тепло не успокаивало. В комнате стояли столы, на стенах висели карты почтовых маршрутов, на полках лежали связки писем, перевязанные шнурами. Всё здесь было ближе и понятнее, чем площадь: бумаги, папки, печати, ящики, списки. Но теперь даже порядок казался ловушкой. Любая строка могла оказаться чужим ножом, любой конверт — приговором.

Тарен остановился у большого стола и открыл железный ящик, встроенный в столешницу. Внутри лежал ещё один конверт.

Мариса узнала его сразу.

Чёрный. Целый. С серебряной печатью дракона вокруг башни.

Не тот, что показывали на площади. Тот был повреждён, с неправильным оттиском. Этот выглядел старше, строже, тяжелее. Бумага не блестела, а впитывала свет. Печать не сияла, но от неё по комнате прошёл жаркий отблеск, и пламя в печи на миг пригнулось, словно перед кем-то поклонилось.

Мариса отступила на шаг.

— Вот письмо, — сказал Тарен. — Настоящее.

Лоренс, вошедший следом, остановился у двери и снял очки, хотя до этого держался невозмутимо.

— Милорд, вы уверены?

— Нет.

— Тогда, может, не стоит—

— Именно поэтому стоит.

Тарен посмотрел на Марису.

— Это письмо пришло двенадцать лет назад. Его пытались доставить мне шесть раз. Первый курьер сгорел на дороге вместе с сумкой. Второй лишился права служить, потому что все его отметки в реестре исчезли. Третий дошёл до ворот моего дома и назвал имя человека, которого не мог знать. Четвёртый сбежал. Пятый умер до вручения. Шестой оставил письмо в северной станции и пропал.

Мариса слушала, и каждая фраза ложилась камнем. Она не спрашивала, почему письмо не уничтожили. Уже понимала: в мире, где почта священна, уничтожить письмо — значит признать, что закон слабее страха.

— А вы? — спросила она. — Почему вы сами его не взяли?

Тарен медленно снял правую перчатку.

На его ладони, от запястья к пальцам, шёл старый ожог. Не грубый шрам от огня, а тонкая серебристая вязь, похожая на строки, написанные под кожей. Буквы были чужими, но Мариса почему-то поняла: это не украшение.

— Потому что письмо адресовано мне, — сказал он. — И каждый раз, когда я касаюсь печати, оно забирает часть моей силы.

Он снова надел перчатку.

— А вы хотите, чтобы я доставила его вам.

— Да.

— Зачем?

— Потому что сегодня на площади ты увидела подделку быстрее моих людей. Потому что кто-то попытался убить тебя до проверки. Потому что тебе уже подбросили письмо, где написано, что Мариса Роух мертва. И потому что шестой курьер исчез на той самой станции, куда я собирался отправить тебя до того, как получил второе послание.

— То есть я не просто удобная подозреваемая.

— Ты центр узла, который кто-то очень торопится затянуть.

От этих слов стало трудно стоять. Мариса опустила ладонь на край стола. Дерево было тёплым от близости печи, шершавым, реальным. Она сосредоточилась на этой шероховатости, на запахе бумаги, на далёком скрипе колеса во дворе. Реальность можно пережить, если разложить её на детали.

— Если письмо убивает курьеров, — сказала она, — почему вы думаете, что я выживу?

— Не думаю.

Она подняла глаза.

Тарен говорил без жестокости. От этого фраза ударила сильнее.

— Тогда зачем?

— Потому что письмо не убивало всех одинаково. Оно наказывало за нарушение правила доставки. Первый курьер вскрыл сумку. Второй изменил отметки. Третий солгал у ворот. Четвёртый нарушил маршрут. Пятый пытался передать письмо через слугу. Шестой оставил его без акта хранения. Если ты права и порядок может защитить письмо от лжи, у тебя есть шанс.

— А у вас?

Он положил на стол второй лист. На нём уже была строка обязательства, но короче, чем прежняя.

— У меня тоже.

Мариса прочитала. Губы пересохла.

«Служащая временной доставки Мариса Роух принимает на себя обязанность доставить письмо с печатью дома Моргардов адресату Тарену Моргарду лично, в присутствии свидетелей, с соблюдением полного почтового порядка. В случае признания письма смертным последствием доставки разделяются между курьером и адресатом согласно древнему закону равного вручения».

— Последствия разделяются, — произнесла она.

— Да.

— То есть если письмо убьёт меня, оно убьёт и вас.

— Возможно.

— Вы сумасшедший?

Лоренс закашлялся у двери.

Тарен не обиделся.

— Нет. Я устал от писем, которые управляют моей жизнью из закрытого ящика.

В этой фразе впервые прозвучало что-то живое. Не гнев, не приказ, а старая усталость человека, который много лет ходит вокруг запертой двери и не может ни уйти, ни открыть.

Мариса посмотрела на чёрный конверт. Если всё это правда, она оказалась не просто в чужом теле. Она оказалась между драконом и письмом, которого боялись двенадцать лет. Между подделкой и настоящей печатью. Между прошлой Марисой, которая, возможно, умерла, и собой, которая ещё не понимала, почему заняла её место.

— У меня есть условие, — сказала она.

Лоренс поднял брови. Тарен чуть склонил голову.

— Смело.

— Мне нужен доступ к реестрам станции, архивам, старым мешкам и всем делам Марисы Роух. Если я должна доставить письмо по правилам, я должна знать, какие правила уже нарушили до меня.

— Разумно.

— И мне нужны чистые книги учёта.

— Зачем?

— Потому что я не доверяю вашим старым записям.

Лоренс посмотрел на неё уже с интересом.

Тарен провёл большим пальцем по краю перчатки.

— Ещё?

— Да. Если я докажу, что меня подставили, вы снимете с меня обвинение официально. Не «отпустите по милости», не «закроете глаза», а внесёте в документы.

— Ты любишь документы.

— Документы переживают свидетелей.

Он усмехнулся одними глазами.

— Хорошо. Если докажешь — получишь официальное снятие обвинения.

— И защиту от Вайса.

— Вайсом займусь я.

— Это не ответ на бумаге.

Лоренс отвернулся к окну, пряча выражение лица.

Тарен смотрел на неё несколько долгих секунд, затем взял перо и дописал строку внизу обязательства. Мариса следила за его рукой. Почерк был уверенный, с сильным нажимом в начале фамилии, так что перо едва не прорезало бумагу.

«На время расследования Мариса Роух находится под защитой дознавателя Тарена Моргарда до вынесения окончательного решения по делу».

Он поставил подпись.

— Довольна?

— Нет, — сказала Мариса. — Но уже меньше похоже на петлю.

— Подписывай.

Она взяла перо. На этот раз рука дрожала меньше. Подпись всё равно вышла чужой, но Мариса уже поняла: в этом мире ей придётся не изображать прежнюю владелицу тела, а создавать новую Марису Роух достаточно быстро, чтобы выжить.

Чернила легли на бумагу.

Лоренс поставил свидетельскую отметку. Затем Тарен взял настоящий чёрный конверт щипцами и положил его в плоский кожаный футляр. Футляр защёлкнулся с таким звуком, словно закрылась дверь.

— С этого момента, — сказал он, — ты временный курьер дома Моргардов.

— Звучит как повышение перед гибелью.

— Лучше, чем казнь перед толпой.

— У вас редкий талант утешать людей.

— Практика.

Он подошёл ближе и положил футляр на стол перед ней. Не отдал в руки. Просто положил, но от этого у Марисы всё равно перехватило дыхание.

Чёрное письмо лежало между ними как живое сердце тайны. Где-то за стеной кричали кучеру, запрягали лошадей, хлопали двери, Лоренс отдавал распоряжения. Мир двигался дальше, будто ничего особенного не случилось: женщину сняли с помоста, подделку забрали, настоящее письмо вынули из сейфа, дракон подписал договор с той, кого не должен был знать.

Мариса смотрела на футляр и думала о сером конверте с фразой: «Мариса Роух уже мертва».

Если это правда, то кто сейчас стоит перед Тареном Моргардом?

И почему письмо, которого боялся дракон, дождалось именно её?

Тарен наклонился, взял футляр и протянул его Марисе. В его взгляде не было доверия, но было решение, от которого уже нельзя отступить.

— Доставишь его мне, — сказал он. — Лично. По всем правилам, которые так хорошо помнишь.

Мариса приняла футляр обеими руками. Через кожу и дерево прошёл тяжёлый, глухой удар, похожий на стук далёкого сердца.

— А если письмо смертное? — спросила она.

Тарен посмотрел на печать, скрытую внутри футляра, потом на неё.

— Тогда умрём вместе.

Глава 2. Адресат стоит передо мной

Слова Тарена Моргарда остались в комнате после того, как он замолчал. Они не упали, не рассыпались, не растворились в треске поленьев за решёткой печи. Они легли между ним и Марисой вместе с тяжестью чёрного футляра, который она всё ещё держала обеими руками, и от этой тяжести ныла кожа на ладонях.

Футляр был гладким, тёплым у краёв и ледяным в середине. Дерево или кожа, из которых его сделали, под пальцами казались обычными, но где-то внутри бился глухой ритм, очень далёкий, неровный, похожий на стук запертого сердца. Мариса невольно сильнее сжала футляр, и в тот же миг печная тяга дрогнула. Пламя за решёткой потянулось вбок, будто невидимая рука провела по комнате.

Лоренс, стоявший у стола с чернильницей и папками, первым пришёл в движение. Он аккуратно положил перо в деревянный желобок, закрыл дорожную книгу и посмотрел на Тарена так, как смотрят на человека, который только что приказал вынести из горящего дома не сундук, а сам огонь.

— Милорд, — произнёс он, и в его голосе не было привычной сухой насмешки, — формула равного вручения применялась последний раз при вашем деде. Даже тогда совет признал её опасной.

— Совет признал её неудобной, — ответил Тарен. — Опасной она была всегда.

— Тогда тем более...

— Поздно.

Мариса подняла взгляд от футляра. Она была уверена, что услышит продолжение, но Тарен не объяснил. Просто стоял напротив, высокий, тёмный, с застёгнутыми перчатками, под которыми скрывалась серебристая вязь ожога. На площади он казался человеком, привыкшим командовать. Здесь, в тесной комнате временного двора дознания, среди карт, реестров, папок и печей с почерневшими решётками, он выглядел иначе: не меньше опасным, но гораздо ближе к той тайне, от которой все остальные отступали.

Мариса заставила себя разжать пальцы. На ладонях остались красные следы от краёв футляра.

— Почему поздно? — спросила она.

Тарен посмотрел на её руки, потом на лицо.

— Потому что ты уже приняла письмо.

— Я приняла футляр.

— Для закона доставки это одно и то же.

— У вас чудесные законы. Особенно те, о которых сообщают после того, как человек уже что-то сделал.

Лоренс кашлянул в кулак. В этот раз не от смеха. Скорее, от желания не смотреть на Тарена в момент, когда обвиняемая, едва снятая с помоста, спорит с северным драконом о праве не умирать по неизвестной инструкции.

Тарен не рассердился. По крайней мере, внешне. Он взял со стола лист обязательства, где ещё не высохли подписи, и развернул его к Марисе.

— Ты сама потребовала, чтобы всё было на бумаге.

— Я требовала защиту от Вайса и доступ к архивам.

— Получишь и то и другое. В обмен ты выполняешь доставку.

— Доставку вам. Человеку, который стоит передо мной.

Фраза прозвучала глупо только после того, как сорвалась с языка. Но Мариса не собиралась отступать. В мире, где письмо могло сжечь курьера, стереть записи из реестра и поставить женщину под петлю, обычная логика становилась единственной доской над пропастью.

— Да, — сказал Тарен.

— Тогда я могу просто отдать его сейчас. Вы протягиваете руку, я передаю футляр, Лоренс становится свидетелем, в книгу вносится отметка, все расходятся довольные. Или не расходятся, если письмо решит нас убить. Но по крайней мере мы не будем ехать неизвестно куда.

— Не можешь.

— Почему?

Тарен подошёл к столу и взял щипцами тонкий лист, лежавший отдельно от прочих документов. Бумага была старой, желтоватой, с тёмной каймой по краю. На ней виднелись строки, написанные мелким, почти строгим почерком. Он положил лист перед Марисой, не позволяя ей коснуться.

— Потому что у письма есть маршрут.

Мариса наклонилась ближе. Буквы были непривычные, с удлинёнными хвостами, но после подписанного обязательства глаза уже начали узнавать отдельные формы. В верхней строке стояло: «Дом Моргардов. Личное вручение. Северный путь». Ниже — четыре отметки, каждая с датой, печатью и короткой фразой.

«Принято в столичной управе».

«Передано в северный мешок».

«Задержано на станции Крайней».

«Оставлено до прибытия адресата».

Последняя строка была перечёркнута так глубоко, что перо прорезало бумагу. Рядом тянулось бурое пятно. Мариса не стала уточнять, что это. И без объяснений хватало неприятного.

— Северная станция, — сказала она.

— Там оборвался шестой маршрут. Там письмо перестало двигаться законно. Если вручить его сейчас, без восстановления цепочки, оно признает доставку нарушенной.

— И что будет?

— Узнаем самым плохим способом.

Лоренс снял очки, протёр их краем рукава и вернул на нос. На лице у него появилась усталость человека, который уже много раз слышал объяснение и всякий раз надеялся, что оно вдруг изменится.

— Древнее почтовое право упрямо, госпожа Роух, — сказал он. — Особенно в делах, где замешаны родовые печати и магические обязательства. Письмо с личным адресом не просто передаётся из рук в руки. Оно идёт по дороге, которая внесена в реестр. Нарушена дорога — нарушено вручение. Нарушено вручение — печать сама выбирает, кого считать виновным.

Мариса посмотрела на футляр. Теперь он казался тяжелее.

— То есть мне нужно отвезти письмо туда, где исчез предыдущий курьер, восстановить порядок, вписать себя в этот безумный маршрут и только потом вручить его человеку, который всё это время будет стоять рядом?

— В общих чертах, — сказал Тарен.

— Прекрасно. Всегда мечтала о работе, где правила объясняют словами «в общих чертах».

— Ты просила доступ к архивам.

— Я просила шанс не умереть по чужой подделке.

— И получила самый длинный из возможных.

Он сказал это без насмешки. От этого Марисе стало труднее злиться. На площади всё было проще: чиновник Вайс хотел закрыть ей рот, толпа хотела зрелища, стражники выполняли приказ. Здесь же каждая новая подробность превращала дело в узел, где её жизнь, чёр-

ное письмо, пропавший курьер, прежняя Мариса и проклятие дома Моргардов связывались всё теснее.

— Если я теперь временный курьер, — произнесла она, стараясь говорить ровно, — мне нужны инструкции. Письменные. Полные. С перечнем того, что считается нарушением доставки.

Лоренс уже потянулся к чистой бумаге, но Тарен поднял ладонь.

— В дороге.

— Почему не сейчас?

— Потому что через три минуты во двор войдут люди Вайса.

Мариса обернулась к окну. За мутным стеклом двор казался спокойным: серая стена, почтовый ящик, из которого достали страшное послание, кучер у повозки, лошади под попонами. Но теперь она заметила, что стражник у ворот стоит иначе. Он не просто дежурил — слушал улицу. Второй держал руку на коротком клинке. С крыши соседнего дома сорвался снег, и один из людей Тарена сразу поднял голову.

— Вы ждали нападения?

— Я ждал, что кто-то попытается исправить ошибку, — ответил Тарен.

— Какую?

— Ты осталась жива.

В комнате стало холоднее, хотя печь горела прежним огнём.

Лоренс захлопнул папку.

— Дорожный сейф готов. Южные ворота перекрыты городской стражей, но северный выезд пока свободен.

— Пока, — повторил Тарен. — Мариса, футляр не выпускай.

Она хотела возразить, что могла бы и без напоминания понять ценность предмета, но за дверью послышались шаги. Несколько человек шли быстро, не стараясь скрыться. Вслед за шагами раздался голос Вайса, уже не такой дрожащий, как на площади, зато с новой, металлической уверенностью.

— По приказу городской управы задержать обвиняемую до прибытия представителя центральной канцелярии!

Лоренс тихо выругался сквозь зубы. Мариса невольно прижала футляр к груди. Удар запертого сердца внутри стал ошутимее.

Тарен повернулся к двери.

— За мной.

— Куда? — спросила Мариса.

— Через архивный выход.

— У временного двора дознания есть архивный выход?

— У любого места, где хранят чужие тайны, должен быть второй путь.

Он отодвинул от стены высокий шкаф с картами. Мариса ожидала скрипа, пыли, тайной двери, которая открывается после нажатия на герб. Всё оказалось проще и куда убедительнее: за шкафом обнаружился узкий проход, закрытый обычной деревянной створкой без украшений. Лоренс снял с пояса ключ, повернул его в замке, и в лицо пахнуло холодным камнем, сырой бумагой и старой древесиной.

— Идите, — сказал он Марисе. — Быстро, но без героизма. Упадёте — милорд будет недоволен задержкой.

— У вас всё измеряется задержками?

— У почтовых людей — да.

За дверью главной комнаты грохнуло. Вайс требовал открыть именем закона. Один из стражников Тарена ответил так вежливо, что от этой вежливости становилось ясно: дверь он откроет только после приказа своего милорда или после того, как её вынесут.

Мариса шагнула в проход. Каменная лестница уходила вниз, ступени были узкие, натёртые множеством подошв. Тарен шёл позади, Лоренс замыкал, держа под мышкой папку и дорожную книгу. Футляр с настоящим письмом лежал у Марисы на сгибе руки, и она ловила себя на странном ощущении: это не она несёт письмо, а письмо ведёт её туда, где давно ждало продолжения.

Наверху треснула дверь.

— Моргард! — донёлся голос Вайса. — Вы превышаете полномочия!

Тарен даже не ускорился.

— Он всегда так громко переживает за закон? — спросила Мариса, стараясь не зацепиться мокрым подолом за ступень.

— Только когда закон перестаёт работать на него, — ответил Лоренс.

Лестница вывела их в низкий коридор, где вдоль стен стояли закрытые ящики с выжженными номерами. На крышках лежала пыль, но дорожка посредине была чистой. Здесь ходили. Часто. В конце коридора тускло светела щель.

Тарен открыл последнюю дверь, и они вышли в узкий переулок за зданием. Снег здесь лежал нетронутым у стен, зато посредине тянулись свежие следы полозьев. Повозка уже ждала — не та, на которой Мариса приехала с площади, а другая, ниже, крепче, с тёмными боками без гербов. Две лошади переступали копытами, из ноздрей валил пар. Кучер, широкоплечий мужчина в меховой шапке, даже не обернулся, когда они появились; только поднял поводья.

— Внутрь, — сказал Тарен.

Мариса забралась в повозку сама, потому что на этот раз никто не протянул руку, а просить не хотелось. Внутри оказалось теснее: две лавки, кожаные ремни на стенах, небольшой железный ящик у пола и узкое окошко, закрытое изнутри заслонкой. Лоренс сел напротив, Тарен — рядом с дверцей. Едва он захлопнул её, повозка тронулась так быстро, что Мариса ударилась плечом о стенку.

Футляр едва не выскользнул. Она поймала его, и в ту же секунду по дереву прошла тёплая волна. Письмо словно одобрило, что его не уронили.

— Оно живое? — вырвалось у неё.

Тарен посмотрел на футляр.

— Нет.

— Уверены?

— Нет.

Лоренс, открывший было дорожную книгу, поднял глаза.

— Милорд, иногда ваши ответы не помогают.

— Я не обещал, что будут.

Повозка свернула с переулка на мостовую. Снаружи раздались крики. Кто-то приказал остановиться, кто-то свистнул, лошади рванули сильнее, и город за стенками превратился в грохот колёс, удар копыт, стук задетых снежных комьев по днищу. Мариса вцепилась одной рукой в ремень у стены, другой держала футляр.

— Мы сбегает от городской управы, — сказала она.

— Мы выезжаем по делу дознания, — поправил Лоренс, даже не глядя в окно.

— На повозке без гербов через задний переулок.

— Дело дознания бывает разным.

Тарен отодвинул заслонку на пальца два, посмотрел наружу и снова закрыл.

— Северный выезд свободен. Вайс опоздал.

— Он пытался меня повесить, потом вернуть, теперь опоздал. Насыщенный у него день.

— У тебя тоже.

Мариса хотела ответить, но повозка вдруг вылетела на широкую дорогу, где грохот стал ровнее. Городские стены остались позади не сразу: сначала за окном мелькали серые дома с

резными ставнями, лавки, вывески, навесы, закопчённые арки. Потом улицы стали шире, дома ниже, а за последними складами потянулись снежные поля, разбитые чёрными лентами дорог. Далеко впереди темнел лес.

Она ещё не успела понять, что действительно покинула город, как Лоренс протянул ей лист.

— Правила личной доставки по северному маршруту. Читайте.

— Сейчас?

— Лучше до того, как нарушите первое.

Мариса взяла лист. Почерк Лоренса был яснее, чем у Вайса, но непривычные обороты всё равно заставляли вчитываться. Она начала с верхней строки:

«Курьер, принявший письмо с родовой печатью к личному вручению, обязан: хранить письмо при себе; не вскрывать; не передавать третьему лицу без акта; не изменять маршрут без отметки; не отвечать на голос письма; не читать надписи, появившиеся без свидетеля; не оставлять письмо на ночь вне запёртого места; при возникновении спорного знака немедленно внести запись в дорожную книгу».

Мариса подняла голову.

— Не отвечать на голос письма?

Лоренс кивнул, словно речь шла о запрете ставить кружку на реестр.

— Верно.

— Письма здесь разговаривают?

— Некоторые.

— И вы решили сообщить мне это в повозке, когда я уже держу одно на коленях?

— На площади было неудобно.

Она посмотрела на Тарена. Тот сидел у двери, сложив руки на груди, и выглядел так, словно поездки с говорящими письмами, поддельными печатями и женщинами из чужих тел входят в обычный распорядок его службы.

— Это письмо разговаривало? — спросила она.

— Один раз, — ответил он.

— И что сказало?

Лоренс вдруг очень старательно уставился в книгу.

Тарен отвёл взгляд к узкому окну.

— Моё имя.

— Просто имя?

— Голосом моей матери.

Повозка покачнулась на ухабе. Мариса сжала лист. Снаружи ветер бился в стенки, и где-то под полозьями хрустел наст, но внутри стало так тихо, что слышно было, как перо Лоренса царапает бумагу.

Она не знала, что можно сказать на такое. Любая фраза выглядела бы пустой: «мне жаль», «это ужасно», «почему». Перед ней сидел человек, который двенадцать лет не мог взять письмо, потому что оно говорило голосом мёртвой матери и забирало его силу через печать. И этот же человек несколько минут назад спокойно предложил разделить с ней судьбу смертного письма.

— Поэтому шестой курьер оставил его на станции, — сказала Мариса наконец. — Услышал голос?

— Возможно.

— А возможно, ему сказали, что так будет правильно.

Тарен повернул голову.

— Почему ты так решила?

— Потому что в правилах слишком много запретов на случай, если письмо ведёт себя неправильно. Значит, кто-то заранее знал, как оно может обмануть курьера. Но если шестой дошёл до станции и оставил письмо без акта хранения, он либо испугался, либо думал, что выполняет приказ.

Лоренс перестал писать.

— Милорд, в старом деле есть упоминание о распоряжении старшего почтмейстера станции. Но подпись была испорчена.

— Испорчена как? — спросила Мариса.

— Чернила расплылись.

— На одном месте?

Лоренс посмотрел на неё уже не как на случайную подозреваемую, а как на человека, который задаёт правильные вопросы.

— Только на подписи.

— Удобно, — сказала она.

Тарен едва заметно кивнул.

— Именно.

За окном город окончательно исчез. Дорога пошла по открытому месту. Снег тут был чище, ветер свободнее, небо ниже. Далеко впереди лес стоял стеной: тёмные ели, белые стволы берёз, чёрные птицы над кронами. Иногда у дороги появлялись почтовые столбы с железными пластинами. На каждой пластине была выбита цифра и стрелка. Мариса отметила это машинально: маршрут, расстояния, контрольные точки.

Через час тряски она уже знала, что повозка останавливается у каждого третьего столба. Лоренс выходил, проверял ящик контрольной отметки, вносил запись в дорожную книгу, Тарен осматривал дорогу, а Мариса должна была держать футляр на виду и не выходить без разрешения. На пятой остановке ей стало ясно, что дорожная книга важнее, чем казалась: каждая отметка была частью защиты. Письмо шло по правилам — значит, пока не имело повода наказать курьера.

На шестой остановке появился Финн.

Сначала Мариса заметила не мальчишку, а движение у обочины. Между двумя сугробами, где стоял контрольный столб, кто-то мелькнул серой тенью. Лоренс как раз возился с замком на ящике, Тарен отошёл к следам у дороги, кучер поправлял упряжь. Мариса сидела в повозке с футляром на коленях и мешком своих жалких вещей под ногами. В мешке лежал чёрствый кусок хлеба, который она успела переложить из изъятых имущества в карман плаща. После площади есть не хотелось, но мысль о хлебе почему-то успокаивала.

Серая тень скользнула ближе к повозке.

Мариса не закричала. Не потому, что была храброй. Просто перед глазами вдруг всплыл двор дознания, приоткрытый ящик и конверт без адреса. В этом мире даже мелкое движение могло оказаться письмом, ловушкой или человеком с приказом закончить то, что не успел Вайс.

Она медленно, очень осторожно повернула голову.

У колеса стоял мальчишка лет двенадцати или тринадцати. Худой, в куртке не по размеру, с торчащими из-под шапки светло-рыжими волосами и лицом, на котором голод, наглость и испуг жили в равных долях. В одной руке он держал её хлеб. В другой — короткий ремешок от мешка, который уже успел расстегнуть.

Их взгляды встретились.

Мальчишка замер на одно короткое мгновение, потом метнулся прочь.

— Стой! — крикнула Мариса.

Тарен обернулся сразу. Мальчишка бросился между сугробами, но далеко не ушёл: из-за почтового столба шагнул один из людей Моргарда и поймал его за ворот. Рыжий дёрнулся, вывернулся наполовину, ударил пяткой по голени, но второй стражник подхватил его за локоть.

— Пустите! — заорал он. — Я ничего не взял! Это не ваше! Это вообще ничьё!

— Хлеб мой, — сказала Мариса, выбираясь из повозки.

Тарен бросил на неё предупреждающий взгляд, но она уже стояла на дороге, крепко прижимая футляр к боку. Снег тут был выше, чем в городе, и воздух пах хвоей, лошадьми и дальним дымом. После тесной повозки голова слегка кружилась.

Мальчишка перестал вырываться, когда увидел её.

— Роух, — сказал он.

В этом одном слове было столько узнавания, что Мариса насторожилась.

— Ты меня знаешь?

Он фыркнул, но фыркнул неуверенно.

— Все тебя знают. Кто ж не знает Марису Роух, которая сначала берёт, а потом делает вид, что это чужие руки?

Стражник встряхнул его за ворот.

— Следи за языком.

Мальчишка втянул голову в плечи, но глаза не опустил. Упрямые, серо-зелёные, с тёмными кругами от усталости.

Лоренс подошёл ближе.

— Финн Роух, — сказал он с явным неудовольствием.

Мариса медленно перевела взгляд с него на мальчишку.

— Роух?

— Не родственник, — быстро сказал Финн. — Записали так, потому что старая книга намокла, а твоя бывшая начальница решила, что сироте без фамилии хуже. Вот и приписали к первой попавшейся. Я не просил.

Он говорил быстро, с вызовом, но Мариса услышала главное: сирота, почта, фамилия. И ещё — «бывшая начальница». Значит, он связан со станцией.

— Ты курьер? — спросила она.

Финн задрал подбородок.

— Был.

— Почему был?

— Потому что станцию закрыли, умная ты наша. Курьеров выгнали, мешки бросили, старшая Рунн заперлась в архиве и никого не пускает, а если людям письма не нужны, то и курьеры им не нужны.

Тарен подошёл ближе. Финн заметно напрягся, хотя старался держаться дерзко.

— Ты должен был быть на станции, — сказал Тарен.

— Я никому ничего не должен.

— Ты числишься младшим дорожным бегуном северной почты.

— А жалованье числится где? В том же месте, где письма? Потому что я его не видел.

Лоренс вздохнул.

— Финн.

— Что Финн? — Мальчишка повернулся к нему. — Вы опять приехали считать мешки? Посчитаете. Они всё там же гниют. Только теперь в них мыши живут лучше, чем мы.

Мариса посмотрела на хлеб в его руке. Тот самый чёрствый кусок, который был среди её изъятых вещей. Финн заметил взгляд, сжал хлеб крепче, потом вдруг смутился. На площади она видела страх толпы, злость Вайса, холодное внимание Тарена. Здесь, на дороге, в лице мальчишки было что-то куда более простое и болезненное: он украл, потому что хотел есть.

— Отдай, — сказал стражник.

Финн дёрнул плечом.

Мариса протянула руку.

— Можно мне?

Мальчишка колебался. Потом с неожиданной злостью сунул хлеб ей в ладонь.

— Забирай. Всё равно он каменный.

Мариса посмотрела на хлеб, потом разломила его пополам. Корка хрустнула сухо, крошки упали на снег. Одну половину она оставила себе, другую протянула Финну.

Он не взял.

— Это проверка?

— Это хлеб.

— Ты раньше так не делала.

Фраза повисла между ними тонкой ниткой. Раньше. Прежняя Мариса. Женщина, которая, возможно, была мертва. Женщина, о которой мальчишка знал достаточно, чтобы ждать от неё другого поведения.

— Сегодня многое иначе, — сказала Мариса.

Финн смотрел с подозрением, но голод победил гордость. Он схватил половину хлеба и откусил так быстро, словно боялся, что передумают.

Тарен наблюдал за этим молча.

— Финн поедет с нами, — сказал он наконец.

— Нет! — Финн едва не подавился. — Я туда не вернусь.

— Вернёшься.

— Там по ночам голоса в зале. Там письма сами из ящиков падают. Там в сортировочной на полу чёрные следы, хотя печь не топили неделю. А в архиве старшая Рунн разговаривает с дверью.

Мариса почувствовала, как внутри всё сжалось.

— С какой дверью?

Финн покосился на неё.

— С той, которую не открывают.

Лоренс записал что-то в книгу. Тарен сказал:

— Тем более поедешь.

— Я не полезу в архив.

— Пока никто не просит.

— А потом попросите.

— Возможно.

Финн посмотрел на Марису так, будто она лично устроила весь этот кошмар.

— Если я поеду, мне заплатят?

— За службу — да, — сказал Лоренс.

— Бумагой или монетами?

— Монетами.

— До службы или после того, как меня съест письмо?

Мариса не удержалась:

— Письма едят людей?

Финн посмотрел на неё с мрачной радостью человека, которому наконец дали возможность напугать взрослого.

— На нашей станции — кто их знает.

— Достаточно, — сказал Тарен. — В повозку.

Финн хотел спорить, но стражник выразительно отпустил его ворот и встал так, чтобы путь назад оказался закрыт. Мальчишка сунул остаток хлеба за пазуху и забрался в повозку первым, как воробей, который решил, что клетка хотя бы теплее улицы.

Мариса села напротив него. Тарен остался у двери, Лоренс снова открыл книгу. Повозка тронулась.

С Финном внутри стало теснее и живее. Он не сидел спокойно ни минуты: то тёр нос рукавом, то заглядывал в окно, то косился на футляр, то пытался незаметно рассмотреть Марису. В конце концов она не выдержала.

— Что?

— Ты странная.

— Спасибо.

— Я не хвалю.

— Я поняла.

— Раньше ты бы меня сдала.

Лоренс поднял глаза от книги, но вмешиваться не стал.

Мариса опустила ладонь на футляр.

— За хлеб?

— За всё. За хлеб, за мешок, за то, что я сбежал с маршрута. Ты любила, когда другие попадались вместо тебя.

Слова ударили неприятно. Не потому, что относились к ней — к прежней Марисе. Но теперь это лицо, эта фамилия, эта репутация принадлежали ей. И каждый встречный мог бросить в неё кусок чужой грязи, а она даже не знала, заслуженной ли.

— Возможно, прежняя Мариса была не лучшим человеком, — сказала она.

Финн прищурился.

— Прежняя?

Тарен повернул голову. Мариса мысленно выругалась. Одно неосторожное слово, и сразу два свидетеля.

— Я имею в виду ту, какой меня помнят, — поправилась она. — После площади у меня мало желания быть прежней.

Финн жевал хлеб и думал. На лице его было написано, что он ей не верит, но спорить сейчас выгодно не считает.

— Если ты правда хочешь станцию поднять, — сказал он, — начни с крыши.

— Что с крышей?

— Течёт. Над мешками третьего зала. Мы подставляли вёдра, пока их не украли.

— Кто украл вёдра?

— А кто там только что хлеб украл? — напомнил Лоренс.

Финн насупился.

— Вёдра я не трогал. Они дырявые были.

Мариса запомнила: крыша, третий зал, мокрые мешки, нет вёдер. Бытовая беда, но за ней могли стоять испорченные письма, потерянные доказательства, исчезнувшие маршруты. Если на станции всё так, как говорит Финн, то тайна там могла спрятаться не в одном секретном ящике, а в общем беспорядке, где любой след легко принять за случайную грязь.

Дорога тянулась долго. День постепенно темнел. Лес подступал ближе, ветви нависали над путём, снег на них лежал тяжёлыми белыми пластами. Иногда из-за деревьев вылетали вороны, каркали и тут же исчезали в сером небе. На очередной остановке Лоренс внёс отметку, Тарен проверил замок футляра, Мариса расписалась в дорожной книге как временный курьер, и это слово — курьер — впервые не показалось ей издевательством.

Она действительно везла письмо.

Она действительно отвечала за маршрут.

И от этой ответственности становилось страшнее, но понятнее. Пока есть порядок, есть хоть какая-то возможность не дать хаосу проглотить её целиком.

К северной станции они подъехали уже в сумерках.

Мариса увидела её издалека: длинное двухэтажное здание у развилки дорог, с башенкой для сигнального фонаря и большим навесом для почтовых карет. Когда-то станция, наверное, выглядела надёжной и оживлённой. Сейчас крыша местами просела, с карнизов свисали сосульки толщиной с руку, одна створка ворот висела криво, а вывеска «Северная королевская почта. Станция Крайняя» держалась на одной цепи и стучала о стену при каждом порыве ветра.

В окнах горел свет — немного, жёлтыми усталыми пятнами. Вокруг здания стояли сугробы, у конюшни виднелись следы, но свежих было мало. Почтовый двор, рассчитанный на десятки людей и карет, казался покинутым.

Финн перестал ёрзать.

— Вот, — сказал он. — Говорил же.

Повозка въехала во двор. Лошади остановились у навеса. Под колёсами хлопнуло: снег здесь перемешался с водой и грязью. Где-то под крышей закрипела доска. Из глубины здания донёсся глухой удар, словно что-то упало.

Мариса сжала футляр.

— Это нормально?

— Для этой станции? — Финн криво усмехнулся. — Да.

Тарен вышел первым. Воздух снаружи был холоднее городского, в нём пахло мокрой древесиной, лошадьми, старой бумагой и дымом из плохо прочищенной трубы. Мариса ступила на землю и сразу провалилась каблуком в мокрый снег. Подол снова набрал воды. Она подняла взгляд на здание и почувствовала странную смесь ужаса и злости.

Так вот куда её привезли.

Не в величественный замок, не в тайный архив с охраной, не в красивое место, где всё решают древние печати и благородные речи. В разваливающуюся почтовую станцию с протекающей крышей, испорченными мешками и мальчишкой, который крадёт хлеб, потому что служба перестала кормить своих.

И где-то здесь двенадцать лет назад исчез курьер с письмом Моргардов.

Дверь станции открылась сама.

Мариса замерла. Никто не стоял на пороге. Просто тяжёлая створка дрогнула, отступила внутрь, и из тёмного вестибюля вытекла полоска жёлтого света. Потом в этом свете появилась женщина.

Она была пожилая, сухая, прямая, в тёмном платье с высоким воротом и связкой ключей у пояса. Седые волосы убраны так туго, что лицо казалось строже. В одной руке она держала лампу, в другой — длинную деревянную линейку, которой, судя по виду, могла не только мерить бумагу, но и отгонять нежелательных гостей.

— Милорд Моргард, — сказала она. — Я просила не приезжать после заката.

Тарен поднялся на крыльцо.

— Добрый вечер, Беата.

— Для доброго он закончился часа два назад.

Лоренс пробормотал:

— Старшая почтмейстерша Рунн в своём обычном расположении духа.

Финн спрятался за Марису. Или попытался спрятаться, но Беата заметила его сразу.

— Финн Роух, — произнесла она так, что мальчишка стал ниже ростом. — Ты жив.

— А вы разочарованы?

— Я решу после того, как проверю кладовую.

Он сделал вид, что не слышал.

Беата перевела взгляд на Марису. Лампа в её руке дрогнула. Лицо женщины осталось строгим, но глаза изменились. Мариса уже начала узнавать это выражение: так смотрели те, кто знал прежнюю владелицу её тела и не мог понять, почему знакомое лицо вдруг отвечает иначе.

— Мариса Роух, — сказала Беата. — Значит, всё-таки не повесили.

— Нет, — ответила Мариса. — День был занят другими неприятностями.

Лоренс кашлянул, Тарен посмотрел в сторону, а Финн из-за её плеча шепнул:

— Вот видите? Странная.

Беата не улыбнулась. Она спустилась на одну ступень ниже, подняла лампу и осмотрела Марису с головы до мокрого подола. В этом взгляде не было тепла. Но и радости от её беды тоже не было.

— Если вы привезли её сюда как обвиняемую, милорд, у меня нет комнаты для заключённых.

— Она временный курьер дома Моргардов.

Лампа дрогнула второй раз.

— Вы сошли с ума.

— Сегодня это уже спрашивали, — сказал Тарен.

— Значит, у людей ещё остался здравый смысл.

Мариса решила, что Беата Рунн ей нравится. По крайней мере, рядом с Тареном эта женщина не превращалась в дрожащую тень.

— Мне нужен доступ к архивам, реестрам и мешкам северной доставки, — сказала Мариса.

Беата посмотрела на неё так, словно мокрая обвиняемая с площади попросила ключи от королевской казны.

— Тебе?

— Мне.

— В прошлый раз, когда тебе понадобился доступ к архиву, исчезла малая рабочая печать станции.

Футляр в вещах. Пустой. Продавленный бархат. Мариса почувствовала, как кусочки складываются в новую неприятную картину.

— Значит, начнём с журнала выдачи печатей, — сказала она.

Беата сузила глаза.

— Ты помнишь, где он хранится?

— Нет. Но вы помните.

Ветер качнул вывеску. «Станция Крайняя» ударилась о стену с жалобным скрипом. Беата стояла с лампой, Тарен — рядом с ней, Финн дышал Марисе в плечо, Лоренс уже доставал дорожную книгу. Сцена выглядела почти бытовой: люди на крыльце спорят о журналах, печатях и мокрых мешках. Только за этой бытовой мелочью пряталась петля, поддельная печать, серое письмо без адреса и настоящий конверт, который мог убить курьера и дракона.

— Входите, — сказала Беата наконец. — Раз уж привезли беду, не держать же её на пороге.

Внутри станция оказалась больше, чем казалась снаружи. Вестибюль переходил в широкий зал с тремя окнами приёма, длинной стойкой, за которой лежали груды бумаг, и рядами ящиков на стене. На каждом ящике была металлическая табличка: «Северные деревни», «Горные тракты», «Столичная пересылка», «Личные вручения», «Возвраты». Пол был мокрым у дверей, в углу стояли две бочки, куда капала вода с потолка. Капли падали неравномерно, раздражающе: одна — в воду, другая — на пол, третья — на край перевернутого ящика.

На стойке лежали мешки. Серые, тёмно-синие, один красный с королевским шнуром. Некоторые были развязаны, письма торчали наружу влажными углами. От них пахло сыростью, старой пылью и чернилами. Где-то за стеной шуршали мыши.

Мариса остановилась посреди зала.

Усталость, страх, холод, чужое тело — всё на мгновение отступило перед чистым профессиональным ужасом.

— Это хранилось так? — спросила она.

Беата поджала губы.

— Если ты приехала читать мне наставления, можешь начинать с крыши. Она течёт в трёх местах, людей осталось двое, дрова закончились утром, а последний приказ из управы велел ждать закрытия и ничего не перемещать без особого распоряжения.

— Кто отдал приказ?

— Вайс.

Мариса посмотрела на Тарена.

— Удобно, — сказал он раньше неё.

Финн тем временем прошмыгнул к стойке, вытащил из-под неё жестяную кружку и налил воды из кувшина. Беата стукнула линейкой по стойке.

— Руки.

Финн показал пустые ладони, потом всё равно выпил.

— Курьеры без маршрутов, письма без ящиков, крыша без вёдер, — сказала Мариса, оглядывая зал. — Кто-то очень старался, чтобы здесь стало невозможно найти один нужный след.

— Или всем было плевать, — буркнул Финн.

— Одно другому не мешает.

Она подошла к ближайшему мешку, но Тарен сразу оказался рядом.

— Письмо.

Мариса поняла, что всё ещё держит футляр. Работа в зале увлекла её настолько, что она чуть не забыла главное. Или не забыла, а мозг пытался спрятаться в понятной задаче: разложить, проверить, записать. Это было проще, чем думать о фразе «умрём вместе».

— Где его хранить? — спросила она.

Беата побледнела.

— Оно здесь?

— Да, — сказал Тарен.

На этот раз старая почтмейстерша действительно пошатнулась. Лоренс поддержал её за локоть, но она сразу отняла руку.

— Я говорила вашему отцу, — произнесла Беата, глядя не на Тарена, а на футляр. — Говорила, что его надо вернуть в столицу через суд дороги. Он не послушал.

— Мой отец не любил слушать тех, кто был прав.

— Вы в этом на него похожи.

— Возможно.

Между ними лежала история, в которую Мариса пока не имела входа. Она только поняла, что Беата знала о письме давно. Возможно, больше, чем Лоренс. Возможно, больше, чем сам Тарен хотел признавать.

— Нужен запираемый ящик, — сказала Мариса. — Сухой. С записью в журнале. И свидетели при помещении письма на хранение.

Беата посмотрела на неё с новым выражением. Настороженность осталась, но сквозь неё проступило профессиональное уважение.

— Журнал личных вручений уцелел, — сказала она. — Ящик тоже. Ключ у меня.

— Второй ключ?

— Был у начальника станции.

— Где начальник?

Беата молчала достаточно долго, чтобы ответ стал ясен раньше слов.

— Пропал вместе с шестым курьером.

Мариса кивнула. Ещё одна пустая клетка в таблице. Начальник станции. Второй ключ. Шестой курьер. Исчезновение. Письмо Моргардов.

— Тогда запись делаем сейчас, — сказала она. — При всех.

Они прошли в боковую комнату за стойкой. Там было тесно: шкафы до потолка, узкий стол, железный ящик на подставке, стопки книг, сухие чернильницы и связки бечёвок. Беата открыла один из шкафов и достала толстый журнал в кожаном переплёте. Пыль с него она смахнула рукавом, не думая о приличиях. На первой странице стояла печать станции Крайней: почтовый рожок, корона и маленькая звезда над северной стрелкой.

Мариса провела пальцем по странице, не касаясь строк.

— Дата, время, кто принял на хранение, кто сдал, состояние футляра, свидетели, причина временного хранения, место дальнейшей доставки, — перечислила она. — И отметка, что письмо не вскрывалось.

— Ты действительно помнишь порядок, — тихо сказала Беата.

— Это сейчас единственное, что у меня есть.

Слова вышли честнее, чем Мариса хотела. Беата ничего не ответила, но придвинула ей чернильницу.

Письмо внесли в журнал. Лоренс записал время прибытия по дорожным часам. Тарен подписался как адресат и дознаватель. Беата — как старшая почтмейстерша. Мариса — как временный курьер. Финн, к его возмущённому удивлению, тоже поставил кривую отметку свидетеля, потому что видел помещение футляра в ящик.

— Я писать ровно не обязан, — предупредил он.

— Обязан, если хочешь жалованье, — сказала Беата.

Финн тут же переписал фамилию аккуратнее.

Железный ящик закрыли. Ключ Беата повесила себе на пояс, а Тарен наложил поверх замка тонкую линию огня. Она появилась без пламени: просто красная нить пробежала по железу, свернулась вокруг скважины и погасла. Мариса почувствовала жар на лице, хотя стояла в стороне.

— Если кто-то откроет без нас, — сказал Тарен, — я узнаю.

— А письмо? — спросила Мариса. — Оно тоже узнает?

— Вероятно.

— Вы снова помогли ответом.

Лоренс впервые за вечер позволил себе короткую улыбку.

После этого началась работа.

Не героическая. Не красивая. Зато настоящая.

Мариса попросила — потребовала, если быть точной, — освободить центральный стол, принести сухие ящики, тряпки, свечи, верёвки и все книги учёта за последние двенадцать лет, которые ещё не сгнили. Беата спорила с каждым вторым словом, но делала. Финн ворчал, таская мешки от мокрой стены к печи, но таскал. Лоренс сел у стойки и начал составлять опись по тем мешкам, у которых сохранились пломбы. Люди Тарена проверяли окна, чердак, конюшню, задний двор и колодец.

Тарен не мешал. Это оказалось неожиданно. Мариса ждала, что он будет стоять над душой, требовать объяснений, подозревать каждое движение. Вместо этого он ушёл осматривать здание и возвращался только с короткими сведениями: южное окно открывали недавно; у третьего зала следы сапог; на чердаке свежая верёвка; задняя дверь запирается плохо. Он говорил это не для отчёта, а словно выкладывал перед ней куски общей карты.

И Мариса начала раскладывать.

Сначала — мокрые мешки отдельно, сухие отдельно. Затем — личные вручения к личным, возвраты к возвратам, столичную пересылку отдельно от местной. Письма без адреса — в одну коробку, письма с повреждённой печатью — в другую. Всё, что касалось дома Моргардов, она велела не трогать без свидетеля.

— Ты командуешь так, словно станция твоя, — заметил Финн, ставя на пол очередной ящик.

— Если я здесь умру, хочу хотя бы понимать, в каком беспорядке.

— Мрачно.

— Зато честно.

Он посмотрел на неё с сомнением, потом вдруг сунул руку за пазуху и достал её половину хлеба. Вернее, то, что от неё осталось: маленький кусок корки.

— Держи.

Мариса удивилась.

— Ты же украл его у меня, потом получил обратно.

— Я не украл. Я временно забрал.

— И теперь временно возвращаешь?

Финн отвёл глаза.

— Почта своих не бросает.

Он сказал это резко, как будто злился на саму фразу. Потом развернулся и ушёл к ящикам, не дожидаясь ответа.

Мариса посмотрела на корку в ладони. Нелепый, трогательный дар. Часть украденного хлеба, возвращённая в знак признания. Может быть, не доверия, но хотя бы того, что она теперь не совсем чужая для этой разваленной станции.

Ближе к ночи стало понятно: дел больше, чем рук.

Крыша действительно текла над третьим залом. Подставлять было нечего, и Лоренс нашёл в кладовой два пустых короба из-под бечёвки. Беата утверждала, что их нельзя использовать под воду, потому что они числятся в имуществе станции как почтовая тара. Мариса спросила, что будет ценнее для отчёта: сухие письма или сухая тара. Беата помолчала и сама поставила первый короб под капель.

В первом зале нашли семь писем без отметки приёма. В боковом шкафу — мешок, запечатанный как отправленный три недели назад, но даже не развязанный. За стойкой под доской пола Финн вытащил связку старых маршрутных бирок. Две из них были с тем же номером, что стоял в деле шестого курьера.

Тарен взял бирки, и его лицо стало тяжелее.

— Где нашёл?

— Там, где всегда прячут то, что не хотят выбрасывать, — ответил Финн. — Под гнилой доской у окна. Я туда иногда крошки прятал.

Беата прищурилась.

— Какие крошки?

— Уже никакие.

Мариса не стала вмешиваться. Она смотрела на бирки. Номер маршрута повторялся, но одна бирка была аккуратная, с ровным прожогом контрольного знака, а другая — чуть грубее. Подделка? Или запасная?

— Их нужно сравнить с журналом, — сказала она.

— Завтра, — ответил Тарен.

— Сегодня.

— Ты едва держишься на ногах.

Мариса хотела возразить и в тот же момент поняла, что он прав. Комната слегка плыла перед глазами. Запястья горели, плечи ломило, подол платья так и остался влажным, а желудок с утра получил лишь несколько крошек. Но остановиться было страшнее, чем устать. Пока она сортировала, записывала, задавала вопросы и спорила, мир оставался понятным. Если лечь, тьма придёт вместе с серым конвертом и фразой о мёртвой Марисе.

— Мне нужно знать, что здесь безопасно, — сказала она.

— Здесь ничего не безопасно.

— Тогда мне нужно знать, что опаснее остального.

Тарен долго смотрел на неё. В его взгляде не было мягкости, но появилась странная сдержанная внимательность. Он будто видел не только обвиняемую и не только подозрительную женщину с чужими знаниями. Он видел человека, который держится за порядок так же крепко, как недавно держал футляр с письмом.

— Один час, — сказал он. — Потом отдых.

— У вас это слово вообще существует?

— Для других.

— Как удобно.

Беата поставила перед Марисой кружку с горячей водой и кусок плотной лепёшки.

— Ешь, пока споришь, — приказала она.

Мариса приняла кружку с такой благодарностью, что старая почтмейстерша отвела взгляд. Горячая вода пахла железной кружкой и дымом, лепёшка была сухой, но после всего дня казалась роскошью. Финн увидел еду, сделал вид, что не смотрит, и через минуту получил от Беаты второй кусок. Он взял его молча, без обычной дерзости.

Ещё час они разбирали только то, что касалось маршрута Моргардов.

К полуночи на столе лежали: две маршрутные бирки, копия старой записи о прибытии шестого курьера, журнал личных вручений с пропущенной страницей, список работников станции двенадцатилетней давности и маленький обрывок синего шнура, найденный в щели ящика «Личные вручения». Беата утверждала, что такими шнурами пользовались только для писем особой важности. Лоренс записал это отдельно.

Мариса провела пальцем над пропущенным местом в журнале. Страницы не вырвали грубо. Их вынули умело, разогнув скобы переплёта и вернув всё обратно. Так не делает случайный вор. Так делает человек, который знает, как потом проверяют книги.

— Кто имел доступ к журналу? — спросила она.

Беата ответила не сразу.

— Начальник станции. Я. Старший курьер. Иногда инспектор из города.

— Вайс?

— Он приезжал в тот год дважды.

Тарен поднял глаза.

— В деле этого нет.

— В деле много чего нет, милорд. Я писала рапорты. Они возвращались без резолюции или исчезали. Потом мне велели не тревожить столицу суевериями северной станции.

— Кто велел?

Беата смотрела на журнал.

— Управляющий Крофт. Тогда он ещё не был таким важным, как сейчас.

Лоренс перестал писать.

— Эдвин Крофт?

— Да.

Мариса запомнила имя. Вайс был опасен, но рядом с ним уже появлялся кто-то выше. Тот, кто мог давать распоряжения, стирать рапорты и позволять станции гнить двенадцать лет.

За стеной что-то шуршало.

Финн, сидевший на краю стола с лепёшкой в руке, перестал жевать.

— Слышали?

Беата закрыла журнал.

— Мыши.

— Мыши не шепчут.

Шорох повторился. На этот раз он пришёл из большого сортировочного зала, куда выходила боковая дверь. Там было темно; свечи они оставили только в первой комнате, чтобы не расходовать огонь попусту. Из-за двери потянуло холодом и запахом мокрой бумаги.

Тарен поднялся.

— Оставайтесь здесь.

— Нет, — сказала Мариса.

Он повернулся к ней.

— Это приказ.

— Я временный курьер письма, которое лежит в ящике в этой станции. Если что-то шепчет рядом с сортировкой, я должна видеть, что именно. Иначе утром вы скажете: «Ты нарушила правило, потому что не внесла спорный знак в книгу».

Лоренс тихо сказал:

— Формально она права.

Тарен явно пожалел, что вокруг него так много людей, любящих формальности.

— За мной. Ничего не трогать.

— Это я уже выучила.

Беата взяла лампу. Финн, несмотря на страх, потянулся следом.

— Ты остаёшься, — сказала она.

— Я тут живу!

— Поэтому и останешься живым.

Финн открыл рот, но Беата так стукнула линейкой по столу, что он закрыл его обратно.

В сортировочном зале было темнее и холоднее. Высокие стеллажи уходили к потолку, между ними тянулись узкие проходы. На центральном столе лежали мешки, некоторые раскрытые, некоторые перетянутые шнурами. У дальней стены стояла большая карта северных дорог, половина отметок на ней отвалилась или почернела от сырости. Вода с крыши капала где-то за стеллажами, и каждый звук разносился по залу чужим шагом.

Беата подняла лампу.

Сначала Мариса ничего не увидела. Только ряды ящиков, связки писем, тёмные углы и свою собственную тень, длинную, дрожащую на полу. Потом шёпот повторился.

Он шёл не из угла. Не из стены.

Со стола.

На самом краю, рядом с мешком «Возвраты», лежал конверт. Маленький, серый, с мокрыми краями. Мариса могла поклясться, что минуту назад его там не было.

Тарен сделал шаг вперёд, но она успела сказать:

— Стойте. Сначала свидетель.

Он остановился.

Лоренс, появившийся у двери с дорожной книгой, сказал:

— Время: полночь и треть. Место: сортировочный зал станции Крайней. Обнаружен конверт без установленного источника появления.

— Не без источника, — прошептала Беата.

Мариса посмотрела на неё.

Старая почтмейстерша держала лампу крепко, но лицо у неё стало серым.

— Это стол неврученных, — сказала она. — Иногда они возвращаются сами.

— Кто они?

— Письма, которым не дали дороги.

Шёпот стал яснее. Не голос, скорее шелест бумаги, сложившийся в слова. Мариса не могла разобрать, что именно он произносит, и очень надеялась, что правило «не отвечать на голос письма» не распространяется на простое слушание.

— Его нужно внести в журнал, — сказала она.

— Сначала прочитать адрес, — ответил Лоренс.

Тарен достал щипцы.

— Я сам.

— Нет, — Мариса протянула руку. — Я курьер. Если письмо появилось на моей смене, я должна хотя бы увидеть адрес. При свидетелях.

Тарен не сразу отдал щипцы. Его взгляд задержался на её лице, потом на дрожащих пальцах. Мариса ненавидела эту дрожь, но спрятать её было невозможно. Она боялась. Конечно, боялась. Любой разумный человек боялся бы конверта, который появляется сам на тёмном столе в заброшенной станции после полуночи.

Но страх не отменял работу.

Тарен вложил щипцы ей в руку.

Мариса подошла к столу. Доски под ногами скрипнули. Лампа Беаты осветила конверт: серый, простой, без печати, но на лицевой стороне уже проступала надпись. Чернила проявлялись прямо у неё на глазах, буква за буквой, как если бы невидимое перо вело строку изнутри бумаги.

Мариса прочитала — и холод прошёл не по коже, а глубже, туда, где ещё жила Ирина Ланская, не понимающая, почему носит чужое лицо.

На конверте было написано:

«Марисе Роух. Вручить после её смерти».

Глава 3. Письмо после смерти

Лампа в руке Беаты Рунн качнулась, и тень от стеллажа легла на стол, словно кто-то протянул через зал длинные чёрные пальцы. Вода за стеллажами продолжала капать в подставленный короб, мыши возились где-то у стены, ветер скрёбся в ставни. Всё это были обычные звуки старой почтовой станции, но теперь каждый из них казался частью чужого шёпота.

Мариса стояла над конвертом и не могла отвести взгляд.

Бумага была серая, простая, немного шероховатая, с влажными краями. У неё не было сургучной печати, родового знака, королевской каймы или других признаков важной корреспонденции. Именно это пугало сильнее всего. Чёрное письмо Моргардов хотя бы выглядело как опасность. Его хотелось обходить, хранить в железном ящике, записывать в журналы, бояться по инструкции. Этот серый конверт выглядел так, словно его мог принести любой курьер, сунуть в любой ящик и забыть.

Только адрес был невозможен.

— Это чья-то шутка? — спросил Лоренс.

Он стоял у входа в сортировочный зал с дорожной книгой в руках, и голос его прозвучал суше обычного. Так говорят люди, которые хотят получить разумный ответ и заранее знают, что разумного ответа не будет.

Беата Рунн опустила лампу ниже. Пламя осветило её пальцы: сухие, крепкие, с потемневшими от чернил ногтями. Старшая почтмейстерша смотрела на конверт так, будто узнала не почерк, а старый долг.

— Письма после смерти не шутят, — сказала она.

Финн, которому велели остаться в первой комнате, всё-таки появился в дверях. Он держался за косяк и старался выглядеть случайно проходившим мимо, но глаза у него были огромные.

— Я говорил, — прошептал он. — Говорил же, что ночью они сами приходят.

— Финн, назад, — сказала Беата, даже не повернув головы.

— Ага. Сейчас. Чтобы вы тут все умерли без свидетеля?

Тарен стоял рядом с Марисой, не касаясь ни её, ни конверта. От него шло сухое тепло, едва заметное, как жар от камня, который весь день лежал у огня. На его лице не было страха, но она уже успела понять: отсутствие страха у Тарена Моргарда ничего не доказывает. Он мог стоять рядом с проклятым письмом, с поддельной печатью, с человеком, которого пытались повесить, и выглядеть так, словно всё это лишь пункты в докладе.

— В журнал, — сказал он.

Лоренс тут же положил книгу на ближайший чистый ящик и обмакнул перо.

— Обнаружено письмо без печати и без известного отправителя. Адресат: Мариса Роух. Надпись проявилась в присутствии временного курьера Марисы Роух, дознавателя Тарена Моргарда, старшей почтмейстерши Беаты Рунн, канцелярского свидетеля Лоренса и младшего дорожного бегуна Финна Роуха, который, несмотря на прямой запрет, снова оказался там, где ему быть не следовало.

— Я полезный свидетель, — обиделся Финн.

— Ты сквозняк в сапогах, — ответила Беата.

Мариса слушала их вполуха. Привычная перепалка цепляла за реальность, но не спасала от главного вопроса. Если прежняя Мариса действительно умерла, то кому адресовано это письмо? Той, чьё тело сейчас стоит у стола? Или той, кто носит это тело и понятия не имеет, почему мир решил считать её живой?

— По правилам его надо вручить, — сказала она.

Собственный голос удивил её. Он прозвучал спокойнее, чем ей было внутри.

Тарен повернул голову.

— Ты уверена?

— Нет. Но если письмо адресовано мне, а я стою рядом, у станции есть два варианта: признать меня адресатом или доказать, что я не Мариса Роух. Второе пока никому не удалось.

— Кто сказал, что станция что-то признаёт?

Мариса посмотрела на стеллажи, на ящики с табличками, на стол неврученных, на тёмные проходы между полками. Здание жило не так, как живёт дом. Оно не дышало и не скрипело от старости только ради скрипа. В нём было накоплено столько недоставленных слов, что воздух казался плотнее. Письма здесь не лежали мёртвым грузом. Они ждали.

— Она уже признала, — ответила Мариса. — Иначе письмо не появилось бы передо мной.

Беата чуть слышно втянула воздух.

Тарен посмотрел на старшую почтмейстершу.

— Вы что-то знаете.

— Я знаю слишком много старых правил и слишком мало способов сделать их безопасными.

— Беата.

Она подняла лампу, и жёлтый свет лёг на её лицо снизу, заострив складки у рта.

— Письма после смерти открывают только при свидетелях. Адресат должен сам снять клапан. Нельзя рвать бумагу, нельзя нарушать сгиб, нельзя читать вслух первые строки, пока не станет ясно, кому они предназначены.

— Почему? — спросила Мариса.

— Потому что иногда такое письмо написано для умершего. А иногда — для того, кто занял его место.

Финн за дверью перестал сопеть.

Лоренс не поднял головы от книги, но перо у него застыло.

Мариса почувствовала, как дрожь поднимается от коленей к животу. На площади она боялась петли. В дороге — чёрного футляра. На станции — тёмного зала и рассказов Финна. Но сейчас страх стал иным: не острым, а глубоким. Он не требовал бежать. Он предлагал поверить, что ответ будет хуже вопроса.

— Тогда вскрываем, — сказала она.

— Мариса, — произнёс Тарен.

Он впервые за всё время сказал её имя так, будто это было не обозначение подозреваемой в протоколе. Не мягко, не доверительно, но с предупреждением, которое касалось именно её, а не дела.

Она посмотрела на него.

— Если я сейчас отступлю, письмо останется неврученным. У вас в ящике уже лежит одно такое. Двенадцать лет. Кажется, это никому не помогло.

Тарен не ответил сразу. За окнами ветром ударило в ставню, и где-то под потолком осыпалась пыль. Потом он достал из внутреннего кармана тонкие щипцы и протянул ей.

— Без рук.

— Почему?

— Ты ещё не знаешь, к кому письмо обращается.

Мариса взяла щипцы. Металл был холодным. Она осторожно поддела край клапана. Бумага поддавалась легко, без треска, без вспышки, без угрожающего шёпота. Просто открылась, как обычный конверт, который слишком долго ждал.

Внутри лежал сложенный пополам лист.

Мариса вынула его, положила на стол, развернула.

Почерк был другой. Не тот неровный, которым была выведена надпись на сером конверте во дворе дознания. Здесь буквы бежали быстро, нервно, с резкими поворотами, но в них чувствовалась привычка к бумаге. Писавшая знала, как экономить место, как вести строку ровно без линейки, как ставить точки так, чтобы потом самой найти нужные места.

Мариса не знала почерка прежней владелицы тела.

Но пальцы похолодели ещё до того, как разум сделал вывод.

Письмо было написано её рукой. Рукой Марисы Роух.

Она опустила взгляд на первые строки.

«Если это читаю я — значит, я всё-таки умерла. Если это читает та, кто пришла вместо меня, — слушай внимательно. У тебя мало времени».

Строки поплыли. Мариса моргнула, вцепилась пальцами в край стола и заставила себя читать дальше.

«Не верь почтмейстерше. Она знает, где началось. Не верь дракону. Он знает, чем закончится. Главное письмо спрятано не в конверте».

Воздух в сортировочном зале стал тяжёлым.

Мариса не прочитала вслух, но, видимо, лицо выдало достаточно. Тарен стоял близко, однако не заглядывал через плечо. Беата смотрела на лист так, словно бумага могла сама произнести её имя. Лоренс держал перо над книгой. Финн уже не прятался за дверью — он вошёл в зал и стоял между стеллажами, прижав к груди жестяную кружку, будто она могла защитить.

— Что там? — спросил Тарен.

Мариса сложила лист обратно, но не убрала в конверт.

— Сначала запись.

Лоренс моргнул.

— Какая именно?

— Письмо вскрыто адресатом в присутствии свидетелей. Внутри один лист. Текст не зачитывался вслух до установления личного характера сообщения. Конверт без печати. Повреждений нет.

— Ты сейчас прячешь содержание за процедурой? — спросил Тарен.

— Я сейчас не даю этому письму стать очередным слухом в зале, где все письма и так сошли с ума.

Беата неожиданно сказала:

— Разумно.

Мариса посмотрела на неё. После строк «не верь почтмейстерше» это слово прозвучало неприятно.

Тарен заметил её взгляд.

— Там упомянута Беата.

— Там упомянуты вы оба.

Беата медленно поставила лампу на стол. Пламя качнулось и выровнялось.

— Прочитай.

— Нет.

Старая почтмейстерша сжала губы.

— Девочка, если прежняя Мариса оставила предупреждение, оно касается станции.

— Возможно. Но оно адресовано мне.

— Ты не она.

Эти слова прозвучали без злости. Именно поэтому они ударили глубже. Беата не обвиняла, не угрожала, не пыталась поймать её на лжи. Она просто сказала то, что Мариса сама боялась признать.

Финн смотрел то на одну, то на другую.

— В смысле не она?

Лоренс тихо закрыл дорожную книгу.

Тарен не отвёл взгляда от Марисы.

В комнате стало тесно. Не из-за стеллажей, мешков и людей. Из-за правды, которая вдруг подошла слишком близко. Серый конверт из двора дознания уже назвал её той, кто носит чужое лицо. Письмо после смерти подтвердило: прежняя Мариса знала, что кто-то придёт вместо неё. Или надеялась. Или боялась.

— В смысле, — сказала Мариса, выбирая каждое слово, — что прежняя Мариса, которую вы знали, уже не может объяснить, что здесь произошло. А я могу хотя бы попытаться разобраться.

— Это не ответ, — сказал Тарен.

— Сегодня у меня плохо с ответами. Зато хорошо с вопросами.

— И первый?

Мариса взяла конверт щипцами, положила рядом с листом, потом повернулась к Беате.

— Где хранятся личные дела служащих станции?

Беата нахмурилась.

— В малом архиве.

— Моё дело там?

— Должно быть.

— Должно быть — не ответ для почты.

Уголки губ Лоренса чуть дрогнули, но он сразу уткнулся в записи.

Беата сняла связку ключей с пояса. Металл звякнул, и этот звук прошёл по залу куда увереннее любого заклинания.

— Малый архив закрыт с прошлого месяца.

— Почему?

— Потому что замок сорвали, а потом поставили новый.

— Кто?

— Приказом из города.

— Вайс?

— Его подпись стояла на бумаге. Приезжал не он.

— Кто приезжал?

Беата помолчала.

— Человек управляющего Крофта.

Мариса запомнила и это. Эдвин Крофт уже появлялся в разговоре как тот, кто велел Беате не тревожить столицу суевериями станции. Теперь его человек менял замок в архиве. Случайностей становилось всё меньше, а бумажных следов — всё больше.

— Значит, начнём с малого архива, — сказала Мариса. — А потом разберём мешки.

— Сейчас ночь, — напомнил Тарен.

— Письмо тоже пришло ночью.

— Ты едва стоишь.

— Я стояла под петлёй, ехала через полстраны, принимала смертное письмо, разбирала ваш проклятый маршрут и нашла послание от умершей самой себе. Усталость уже не главный аргумент.

— Главный аргумент — живой курьер доставляет больше, чем мёртвый.

Финн вдруг прыснул, но быстро прикрыл рот кружкой. Беата посмотрела на него так, что мальчишка сделал вид, будто кашлянул.

Мариса не улыбнулась. Тарен говорил не бездушно. Практично. В его мире, вероятно, именно так и заботились: приказывали не падать, чтобы не сорвать доставку.

— Один час, — сказала она.

— Ты уже торговалась за один час.

— И использовала его с пользой.

— Полчаса.

— Сорок минут.

Лоренс опустил голову ниже, явно пряча выражение лица. Финн уже не скрывал интереса. Беата смотрела на Марису с чем-то похожим на неодобрительное уважение.

Тарен скрестил руки на груди.

— Тридцать пять.

— И вы не стоите у меня над плечом, пока я читаю личное дело.

— Я стою у двери.

— Договорились.

— Нет. Ты читаешь при свидетеле.

— Лоренс?

— Беата.

Мариса перевела взгляд на почтмейстершу. «Не верь почтмейстерше». Строка из письма неприятно царапнула изнутри.

— Почему именно она?

— Потому что если письмо предупреждает против неё, я хочу видеть её лицо, когда ты найдёшь причину.

Беата сухо сказала:

— Как заботливо с вашей стороны, милорд.

— Я практичен.

— Это у вас семейное или должностное?

— Вы знали моего отца. Сами решите.

В этих словах снова мелькнула старая история. Мариса поймала её, как холодный сквозняк из-под двери, и оставила на потом. Слишком много дверей. Слишком мало ключей.

Малый архив находился за первой комнатой, в узком коридоре, куда вела низкая дверь с новой железной накладкой. Беата шла впереди с лампой, Мариса за ней, Тарен — замыкающим. Лоренс остался в сортировочном зале делать записи, а Финну велели стеречь стол неврученных и звать, если появится ещё что-нибудь с невозможным адресом.

— А если появится? — спросил он.

— Позовёшь, — сказала Беата.

— А если оно меня позовёт первым?

— Не отвечай.

— Очень полезно. Спасибо.

Коридор пах сыростью и старым клеем. На стенах висели крючья для мешков, несколько были пустыми, на одном болталась обрывочная бирка. Мариса провела взглядом по табличкам на дверях: «Тара», «Чернила и песок», «Повреждённая корреспонденция», «Служебные дела». Последняя дверь выглядела чужой среди старых: свежие царапины у скважины, новый замок, плохо подогнанная накладка.

Беата достала ключ, но замок не сразу поддался. Она раздражённо повернула его дважды, толкнула плечом дверь, и та открылась с тяжёлым скрипом.

— Ставили торопливо, — сказала Мариса.

— И чужими руками, — ответила Беата.

Архив был маленьким, но забитым до тесноты. Шкафы вдоль стен, ящики с фамилиями, полка с книгами назначений, два низких табурета, стол под окном. Окно было заложено изнутри досками, и между ними пробивались тонкие серые полоски ночного света. На полу лежала чистая стружка — след недавних работ у двери.

Беата поставила лампу на стол.

— Дела служащих — второй шкаф. Роух должна быть в нижнем ящике. Если её не забрали.

— Кто мог забрать?

— Тот же, кто менял замок.

Мариса присела перед ящиком. Металлическая ручка была холодной, пальцы сразу заныли. Она потянула. Ящик выехал туго, с хриплым деревянным звуком. Внутри стояли папки, перевязанные тесьмой. Раген, Ринт, Роух, Рунн... Она задержала взгляд на фамилии Беаты, но сначала взяла свою.

Папка Марисы Роух оказалась тонкой.

Слишком тонкой для человека, который работал на станции, был уволен, обвинён, связан с пропажей печати и, по словам других, успел наломать немало дров.

— Здесь мало бумаг, — сказала Мариса.

Беата подошла ближе.

— Не может быть.

Тарен встал у двери, как и обещал, но его присутствие чувствовалось всем коридором. Он ничего не говорил, однако Мариса знала: слушает каждое слово.

Она развязала тесьму. Внутри лежали: запись о приёме на службу, две отметки о взысканиях, одна благодарность за срочную сортировку после обвала дороги, копия увольнения, лист с жалобой Вайса и пустой карман, из которого явно вынули несколько документов.

Мариса разложила бумаги на столе.

— Что должно быть ещё?

Беата смотрела на пустой карман.

— Допуск к малым печатям. Маршрутная ведомость. Запись о переводе из столичной управы. Объяснительная по пропавшему мешку. И... — она замолчала.

— И?

— Рапорт, который она подала за три дня до исчезновения шестого курьера.

В тишине за стеной опять где-то капнула вода.

— О чём рапорт? — спросила Мариса.

Беата не смотрела на неё.

— О нарушении порядка личных вручений.

— По письму Моргардов?

— Да.

Тарен у двери произнёс:

— Вы говорили, что рапортов не было.

— Я говорила, что в деле их нет.

— Не играйте словами, Беата.

— Я двенадцать лет играю теми словами, которые мне оставили, милорд. Другие либо исчезали, либо возвращались ко мне с чужими печатями.

Мариса подняла лист о приёме на службу. Мариса Роух была принята на станцию Крайнюю шесть лет назад, но в строке «откуда переведена» чернила оказались соскоблены. На месте старой записи стояло новое: «Городская почтовая управа». Слишком общо.

— Кто она была до станции? — спросила Мариса.

Беата сложила руки на груди.

— Девчонка с быстрыми пальцами и дурной привычкой улыбаться тем, кому не надо. Умела сортировать письма быстрее многих взрослых. Умела врать. Умела находить лазейки. Пришла с рекомендацией, которую я не просила, но обязана была принять.

— От кого рекомендация?

Беата посмотрела на Тарена.

— От управляющего Крофта.

Мариса ощутила, как внутри всё становится холодным и ясным. Эдвин Крофт. Снова он. Рекомендовал Марису на станцию. Потом его человек менял замок в архиве. Его же распоряжения гасили рапорты. Если прежняя Мариса была его человеком, то потом она пыталась выйти из игры. Или её сделали такой в чужих глазах.

— Почему вы держали её? — спросила Мариса. — Если не доверяли.

— Потому что станция не выбирает, какие письма принимать, и не всегда выбирает, каких людей. А ещё потому, что она однажды за ночь разобрала три мешка, которые два инспектора списали как потерянные. В ней было много плохого, но почтовое чутьё было настоящим.

Мариса опустила взгляд на бумаги. «Почтовое чутьё». Наблюдательность, порядок, следы. Может быть, именно поэтому Ирина оказалась в этом теле? Потому что прежняя Мариса тоже умела видеть несостыковки, но не успела выжить.

Она открыла лист с жалобой Вайса. Тот обвинял Марису в неуважении к старшим, самовольном доступе к сортировочным книгам и «излишнем внимании к письмам, не входящим в её круг обязанностей». Под жалобой стояла резолюция: «Уволить при повторном нарушении». Дата — за два дня до сегодняшней площади.

— Она искала что-то в книгах, — сказала Мариса.

— Да, — ответила Беата.

— И вы знаете что.

Беата замолчала.

Тарен сделал шаг от двери.

— Беата.

Старая почтмейстерша села на табурет, как будто ноги вдруг перестали держать. Лампа освещала её сбоку, и Мариса впервые увидела не только строгую начальницу, но и усталую женщину, которая слишком долго охраняла архивы, где каждый лист мог стать обвинением против неё самой.

— За три дня до исчезновения шестого курьера Мариса пришла ко мне с биркой маршрута, — сказала Беата. — Не той, что была в журнале. Второй. Она сказала, что у письма Моргардов два пути: один официальный, другой настоящий. Я велела ей молчать и принести всё, что она нашла. Она принесла рапорт. Я приняла его и положила в дело. На следующий день пришёл приказ из города: не тревожить личные вручения дома Моргардов до прибытия инспектора. Инспектор не приехал. Курьер исчез. Рапорт пропал.

— И вы молчали двенадцать лет? — спросил Тарен.

Голос его стал ниже.

Беата подняла голову.

— Я писала. Шесть раз. Вашему отцу, в столицу, в управление, в королевскую канцелярию. Два письма вернулись невскрытыми. Одно пришло обратно пустым. Одно сгорело в руках почтового судьи, когда он увидел вашу фамилию. Ещё два исчезли из реестра. Потом мне пришло распоряжение закрыть вопрос, если я не хочу, чтобы станцию признали источником порченой корреспонденции. Вы знаете, что это значило бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.